

Добро пожаловать в
Эпоху Нового Возрождения

ПОСЛЕДНЯЯ ЭВОЛЮЦИЯ

- ОЛЬГЕРД РОСС -

16+

Ольгерд Росс
Последняя эволюция

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Росс О.

Последняя эволюция / О. Росс — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Год 5018. Земля погружена в хаос. Города лежат в руинах, цивилизации как таковой больше нет. Человек разумный перестал существовать как вид, а на его место пришел новый - Homo superior, следующая ступень эволюции. Благодаря эволюционному скачку люди успешно выживают на просторах умирающей планеты, постепенно восстанавливая утраченные знания поколений, но не имея возможность узнать страшной правды о том дне, когда мир оказался разрушен. До тех пор, пока на равнинах бывшей Российской Федерации не появляется странная аномалия, пробудившая потусторонние силы.

© Росс О., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Руководство по выживанию 5018 год: введение	6
Глава первая: Павший город	10
Конец ознакомительного фрагмента.	38

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/ru/illustrations/%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D1%83%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B8-%D0%BB%D1%83%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%86%D0%B5-1492818/> по лицензии CC0.

Руководство по выживанию 5018 год: введение

Данное руководство рекомендовано к прочтению всем независимо от региона проживания, возраста, а также уровня умственного и физического развития. Не рекомендовано использование данного оригинального руководства не по назначению. В случае зафиксированного факта игнорирования отдельно взятых пунктов настоящего руководства вся ответственность лежит на физическом лице, коим было совершено определенное нарушение.

Предисловие к руководству (прочтение данного подраздела рекомендовано для наиболее четкого ориентирования в условиях текущей мировой ситуации):

Ни для кого не секрет, что Третья Мировая, также известна как Последняя Война Человечества не принесла нашей расе ничего хорошего. Города разгромлены, космические корабли больше не бороздят просторы Вселенной, а благополучно валяются под ногами в непотребном виде. Цивилизации как таковой нет. Некогда величественные небоскребы из стекла и металла торчат из земли уродливыми обрубками и, словно плесенью, покрыты тонкими, но крепкими лианами растений-паразитов. Сейчас, спустя целое тысячелетие после Последней Войны сложно точно сказать, кто именно начал разрушительную военную кампанию. Многие задаются вопросом, каким образом цивилизация рухнула в не бытие за несколько секунд, и не смогла подняться снова за эти десять веков. Ответ прост, но многие не желают его признавать. Война, начавшаяся в двадцать первом веке, уничтожила все из-за того, что разразилась в мире совершенно неподготовленном для любых глобальных потрясений. Собственно, когда на города посыпались атомные и водородные бомбы, химические снаряды, а по территориям отдельно взятых стран были пущены капсулы биологического оружия, основная масса людей была просто стерта с лица планеты, словно динозавры, исчезнувшие после падения метеорита. Не последнюю роль в этом сыграли прицельные удары, наносимые с орбитальных станций. В настоящее время никто не знает, в чем именно они заключались и чем производились, но именно они и послужили началом самой скоротечной и разрушительной войны, ведь первый удар был нанесен именно с космических станций. В доказательство этому по всей планете, как назидание, остались зиять широкие воронки, в которых даже мох не может прорасти. В результате, человечество быстренько скатилось к каменному веку, и, учитывая, что нашими последними достижениями были, мягко скажем, проекты, направленные на высасывание денежных средств любыми способами, обратно вернуться не получилось. Это было вполне предсказуемо; двадцать первый век превратил людей в нечто, что сейчас называют вырождением породы и применяют к домашнему скоту. Сложно сказать, почему люди тогда не замечали, во что превращаются. С другой стороны, не исключено, что они просто не желали этого замечать и наслаждались своими сомнительными творениями и увлечениями. Нет, с высоты пятого тысячелетия смотреть проще, но дело не в этом. Дело в том, что у нас даже записей не осталось. Все сгорело, расплавилось или исчезло. Так, что не надо писать в редакцию с вопросами, почему мы десять веков ничего не делали. (Если же у вас есть другие вопросы, почтовый адрес находится в конце руководства; обратите внимание, что голубей и конверты без марок не принимаем).

Итак, для тех, кто только что встал на ноги; для тех, кого угораздило потерять память и для тех, кто только задался вопросом: а что тут собственно происходит? На дворе начало пятого тысячелетия. Год 5018. Планета Земля на полпути к смерти: земная кора находится в крайне шатком положении; озоновый слой пропускает все больше и больше космического излучения, а живой мир постоянно меняется в силу множественных прогрессирующих мутаций. Доподлинно неизвестно, каким именно оружием, с какой целью и кем был нанесен первый удар, запустивший цепную реакцию смерти. Ясно только одно: этот первый удар, вопреки

расхожему мнению, совершенно точно не был нанесен ядерным оружием, но все равно превратил Землю в настоящий ад. Тип оружия до сих пор не установлен. Судя по найденным дневникам очевидца тех времен, едва не развалившимися в пыль, после первых неопознанных взрывов мир начали терзать стихийные бедствия, в перерыве между которыми страны вновь начинали грызть друг с другом за обладание ценными ресурсами. А продолжалось это до тех пор, пока планета не превратилась в сущий ад, в котором за считанные месяцы сгорели все достижения человеческой расы. Также в ходе катастрофы, были каким-то образом (не спрашивайте нас, мы не в курсе происходящего несколько тысяч лет назад) нарушены геологические структуры, заставившие краткосрочно ускорить дрейф континентов. В итоге, Австралия, некогда уникальный континент на юге Тихого Океана, полностью исчез под водой во время сильнейшего цунами, которое прихватило с собой также и ряд островов: Новую Зеландию, Новую Гвинею, все острова и полуострова Индонезии. Соответственно, на современных картах мира найти эти названия вы не сможете; для их поиска вам понадобятся атласы датируемые двадцать первым веком. Но пойдём дальше. Африка превратилась в одну единую пустыню, покрытую высокими песчаными дюнами и корками радиоактивных отходов, затвердевших из-за невыносимой жары. Порой температуры поднимались настолько высоко, что даже черти в аду пожелали бы открыть форточку. Изредка на территории Черного Континента попадаются небольшие оазисы, по большей части вдоль береговой линии, местами даже небольшие участки дождевых лесов, но проживание в них крайне опасно из-за агрессивной фауны. Что касается африканского рельефа, то его разнообразие довольно скудно. Складывалось впечатление, что картограф просто прошелся по карте мира своими шаблонными штампами, отщелкивая на бумаге однотипные изображения. Те редчайшие исключения из правил вполне можно называть новыми чудесами света.

Далее, если верить старым картам, имелись Синайский и Аравийский полуострова, но в наше время, они скомпоновались в единую геологическую структуру представленную хаотичным горным массивом, крайне трудным для прохождения. Не последнюю роль в этом сыграли все те же песчаные дюны, занявшие все возможные перевалы и переходы. Предполагается, что теперь именно на этом новом полуострове находится самая высокая гора в мире – Синай, однако это всего лишь предположение. Измерять высоту гор никто либо не умеет, либо не хочет, а все старые градации, известные с двадцать первого века канули в лету. Старая самая высокая точка планеты была разрушена мощными землетрясениями, в комплексе с точечной бомбардировкой космическим мусором из верхних слоев атмосферы. Вершина Эвереста попросту оторвалась и съехала вниз, образовав глубокий каньон, протянувшийся на север через остатки горного хребта. Не последнюю роль в этом сыграло и ускоренное движение тектонических плит: горы банально не смогли укрепляться настолько быстро, насколько ускорился их рост.

Что касается непосредственно Азии, то она теперь представляет собой одну огромную вересковую пустошь, в отдельных районах которой можно обнаружить бурые леса: классические породы деревьев, вечно пребывающие в красках осени. Правда, южнее, на территории Индии и Китая имеются полноценные, но небольшие джунгли, сохранившие былые яркие оттенки зеленого цвета. Особо стоит отметить Великую Китайскую Стену. Посмотреть на нее собираются целые толпы наших соплеменников, ведь она, наравне с Пирамидой Хеопса на Черном Континенте, является единственным сооружением, пережившим череду глобальных катаклизмов практически без единой трещины.

Вересковые пустоши также покрывают большую часть Европы, за исключением отдельных регионов, представленных редкими уже зелеными смешанными лесами, а также множественными очагами хвойных пуш – реликтовых природных заповедников, растянувшихся преимущественно по северной оконечности материка. Особый интерес представляет черноморская соляная пустыня: уникальная долина, раскинувшаяся на территории, где некогда было

внутреннее море. Интересна она тем, что помимо колоссальных залежей соли, испещрена гейзерами, выстреливающими на несколько километров вверх крайне горячей соленой воды. Сила удара настолько велика, что может содрать заживо кожу. Примерно в таком же виде пребывает Великое Срединное Озеро – остатки Средиземноморского Моря (и снова сверяйтесь со старыми картами). Оно сильно измельчало после того, как закрылось сообщение моря с Атлантическим океаном.

В настоящее время единственным наиболее пригодным для благополучной жизни является остров Гренландия, сползший несколько южнее своего исторического местоположения, вопреки всем законам природы. Столкнувшись с рядом островов, включающих в себя Исландию и Британские острова, Гренландия вышла прямо в центр течения до сих пор известного, как Гольфстрим, что образовало особые природные условия. Или это течение изменило свой курс?

Если и дальше описывать текущий вид планеты, то обратив внимание на современную карту, вы заметите два континента: Северную и Южную Америку, разделенные широким проливом. В Северной вы сможете найти лишь самые объемные разрушения: большая часть континента сейчас больше похожа на поверхность Луны, испещренную множественными кратерами. В некоторых из них с трудом прорастают плауны и лишайники, тогда как на более-менее уцелевших участках плодородной почвы можно увидеть многочисленные карликовые породы деревьев. Южная же Америка на данный момент, пожалуй, самая зеленая часть планеты. После того, как люди исчезли с этого клочка суши, джунгли стремительно захватили весь континент под свой контроль, особо рьяно прорастая на пепелищах. Но есть в этом зеленом мире и свои проплешины: большая часть обитающих в Южной Америке живых существ является переносчиками особо опасных инфекционных заболеваний, которые пытались использовать в качестве оружия.

К слову сказать, в такие запретные зоны лезть не стоит, так как медицины у нас нет. Если кто забыл, то первый ход в Третей Мировой пришелся именно на медицину. Кто-то там наверху решил, что если подчистую вырезать все население с медицинским образованием в городах противника, то можно будет спокойно перетравить всех чумными бомбами. Ход хороший, но в то же время самый худший из всех возможных. Медицина, в смысле хорошая, качественная медицинская помощь, перестала существовать где-то в середине двадцать первого века, включая все отрасли народной и традиционной, так что лечить стало некому, да и нечем. Сейчас наша медицина где-то на уровне средневековья. Действуем по принципу: вылечить не удалось, значит надо сжечь со всей деревней, чтобы не возникло эпидемии. Так что, советуем заранее изолировать всех тех, кто хотя бы раз чихнет на публике.

В результате этого, население планеты резко пошло на убыль. Тех, кого не добились ядерные бомбы, прикончили болезни. Те, кто не помер от гриппа или раковых опухолей, ушли на тот свет сразу после рождения, из-за развивающихся еще во чреве матери аномалий, которые нам так заботливо подарили ядерные отходы. Хотя, мы потихоньку совершенствуемся; как в эволюционном плане, так и в социальном. Собственно, за десять веков, человек разумный сумел выжить, приспособиться к жизни на умирающей планете. Однако человек разумный, как вид, эволюционировал в *Homo superior*, как вы могли прочесть в заглавии к данному руководству. Далее речь пойдет конкретно об анатомии и физиологии данного вида, а также об алгоритмах действий, которые необходимы для успешного выживания нового вида человеческой расы на разваливающейся планете.

P.S.: данное руководство не пытается склонить читателей к конкретной точке зрения. Вы можете, как признавать рациональное возникновение нового вида, в условиях естественного отбора и отсутствия искусственного воздействия на геном посредством медицины и техногенных факторов, так и придерживаться мнения, гласящего о том, что род людской превратился в жутких чудовищ.

P.S.S.: данное руководство не является единственно верным и полным источником знаний, отражая лишь жизненно важную информацию, в том числе сведения об устройстве нашего собственного организма и деталей нашего повседневного окружения, необходимых для принятия жизненно-важных решений.

Счастливого Вам проживания в Эпохе Нового Возрождения!

Глава первая: Павший город

XXXI век, 5018 год, октябрь.

Европа, территория бывшей Российской Федерации, бывшее Поволжье.

Каждое новое утро на заре пятого тысячелетия никогда не отличалось от предыдущего. Каждый день жителей переживших глобальный катаклизм встречали однотипные ландшафты, похожие друг на друга как две капли воды; даже небо изо дня в день выглядело однообразным, меняя свои характерные черты в определенное время суток. Коллекция самых изощренных видов оружия, которое пошло в ход в Последней Войне человеческой цивилизации, оставила после себя колоссальное количество всяческих паров, отравляющих газов, ядерных облаков, падающих из космоса обломков кораблей и спутников и прочего крайне губительного мусора, что он попросту заменил большую часть земной атмосферы, не стремясь выйти за ее пределы. Именно поэтому каждое утро начиналось с адского кровавого зарева, которое охватывало планету и держалось до тех пор, пока солнце не перевалит за горизонт и не начнет подниматься выше. Тогда кроваво-красные фоны сменялись оранжевыми, а после и вполне обычными голубоватыми оттенками. Если вдруг начинали лить затяжные кислотные дожди, то тон неба окрашивался в серые или зеленые оттенки. Последний цвет был особо страшен, ведь он обеспечивался радиоактивным ураном и другими ему подобными веществами, падающим сверху из все еще разваливающихся обломков космических кораблей и спутников. Однако жизнь никуда не делась с планеты, которая уже начинала разваливаться на мелкие кусочки.

Правда это была не совсем такая экосистема, которую привыкли видеть обычные жители двадцать первого века. Большая часть растений, начиная травой под ногами и заканчивая листвою деревьев, отчаянно пыталась удержать зеленые оттенки, но почти всегда сочная зелень была покрыта желто-бурыми атмосферными осадками, вгоняя планету в состояние вечной осени. Только хвойные породы деревьев, благодаря своим природным маслам, умело сбрасывали с себя губительные отходы, радостно выставляя на всеобщее обозрение темно-зеленые иголки. Ряд травоядных животных, конечно же, пытался подкрепиться яркой зеленью, бросающейся в глаза на фоне однотонных пейзажей, но иголки елей и сосен были настолько плотными и противными на вкус, что почти никем в пищу не употреблялись. Впрочем, ряд не так сильно пострадавших областей еще мог похвастаться наличием зеленой и местами даже буйной растительности, не относящейся к хвойным породам.

Там, где травы еще не успели завоевать себе доминирующее место под солнцем, растянулись каменистые и песчаные пустыни, славящиеся своими атомными завесами. По большей части это были песчаные бури, ворошащие не только песок, но и уйму всяческих радиоактивных отходов и токсичных газов, постоянно извергаемых из недр планеты. Но даже в таких пустынных выжигаемых природными бедствиями жизнь текла своим чередом. Лучше всего себя в таких климатических условиях чувствовали верблюжки колючки. Эти неприхотливые растения смогли развить настолько обширную корневую систему, что у особо старых кустов ее окончания можно было обнаружить за несколько сотен километров от места крупного источника воды. Само собой, среди таких корней обитало множество животных: кроты, суслики, сурки... Никто из них практически не изменился с тех пор, как планеты сотрясла Последняя Война человечества. Разве что сурки измельчали, да кроты отрастили широченные лапы. Впрочем, были и такие звери, которые успели заметно измениться. Волки, койоты, одичавшие собаки. Все они, вынужденные бродить по равнинам и пустыням, превратились в жутких ночных созданий, именуемых волколаками. Однако самые большие изменения постигли человека.

Homo superior. Так теперь называют человеческую расу. Лишившись медицины, люди оказались на грани вымирания, умирая от самых банальных болезней или от врожденных аномалий. Для восстановления медицинских знаний не осталось ничего. В войне было уничтожено все, даже самый последний конспект вечно спящего студента, состоящий из классической игры в крестики-нолики, загогулин на полях и буквально трех словах, касающихся непосредственно медицинской темы. Почти целых девять долгих веков человечество балансировало на грани жизни и смерти, пока, наконец, люди не смогли вернуться на пути эволюции и буквально за один век восстановить цивилизацию до уровня Средневековья. Почти все аномалии развития, все пороки обернулись совершенно невообразимыми изменениями, которые позволили людям выжить в новом суровом мире, что пропагандировалось на каждом шагу, как шаг навстречу новой эпохе. При этом, никто не упоминал о том, сколько миллионов умерло, прежде чем появился первый представитель нового вида. Один такой экземпляр, почувствовав приближение нового дня, не замедлил покинуть свой новый дом и выбрался на поверхность.

Новый вид имел минимальный рост в два метра. Это была оптимальная высота, на которой не чувствовались пары ядовитых газов, выходящих из-под земли и растекающихся по ее поверхности. Руки стали длиннее, опять же по причине ядовитых отходов. С длинными руками не приходилось слишком часто нагибаться. Ноги вытянулись следом, скорее, для пропорции, хотя благодаря ним можно было быстрее бегать. Выносливость нового вида людей, как и их, теперь уже природную устойчивость ко всем ядам, витающим в воздухе, обеспечивали новые улучшенные легкие. Их было целых четыре. Поначалу, удвоение легкого было редко встречаемой аномалией, но концентрация ядовитых паров вынудила ее превратиться в жизненно необходимый эволюционный ход. Состав воздуха, если касаться именно различных токсикантов, в каждой местности несколько отличался, поэтому в самых тяжелых по воздуху районах планеты к четырем легким без особых проблем добавились воздушные мешки, которые до этого времени наблюдались только у птиц.

Само собой для того, чтобы обеспечить такие объемы кровью, нужна была более мощная кровеносная система. Артерии и вены быстро прокачали сами себя, используя для этого естественные биохимические процессы, а вот сердце было вынуждено долго и упорно страдать. На первых порах, из-за этого диссонанса возникало множество трудностей, но решение пришло оттуда, откуда его совсем не ждали. Целый ряд аномалий с вероятной летальностью, с которыми упорно боролись в эпоху медицины, развернулся и совместным проявлением образовал несколько дополнительных мышечных слоев.

Homo superior вытянулся, и посмотрел по сторонам. Объем мозга, несмотря на разительные изменения организма не изменился, несмотря на то, что кости черепа стали заметно плотнее.

Иными словами, несмотря на множество изменений, новый вид практически ничем не отличался от человека разумного, представляя увеличенную их копию с рядом небольших почти не бросающихся в глаза изменений.

Обо всех этих эволюционных изменениях можно говорить долго и упорно, поэтому особо отличившиеся умы нового человечества создали уникальное руководство для новых людей, чтобы они знали, как использовать самих себя. Был вариант восстановить медицинские знания, начав все с нуля и ориентируясь на память тех, кто пережил войну и мог что-то рассказать, но это было не актуально. Почти сразу же после войны выяснилось, что планета не выдержала множественных техногенных и природных катаклизмов. Пошатнулись даже самые устойчивые пласты земной коры, скорость движения тектонических плит усилилась, сама природа взбунтовалась против человеческой жестокости. Планета Земля вошла в последнюю стадию своего существования. Ядро голубой планеты вышло из строя и грозило с каждой минутой разорвать мир на куски. Именно поэтому новая людская раса встречала каждый новый день, как послед-

ний, несмотря на то, что природа упорно продолжала воскресать после сильнейшего техногенного вымирания.

– Вацлав, что на горизонте? – из убежища раздался чей-то громкий голос.

– Все в порядке, – Вацлав, которому выпало первым выйти наружу, не замедлил с ответом. – Горизонт чист. Зверей не видно, песчаных бурь и кислотных дождей нет. Атомных завес не видно.

– Тогда пора выходить, – из убежища начали раздаваться многочисленные звуки, словно кто-то в спешке сбрасывал вещи в один мешок. – Я рассчитываю до заката выбраться из этой треклятой пустыни! Я уже устал по ней ходить.

– Сразу видно того, кто первый раз отправился в поход. Из пустыни мы сегодня вряд ли выберемся, – Вацлав вытащил из кармана своей военной крутки безрукавки свернутую несколько раз бумажку. – Судя по карте этой зоны, на западе должен находиться город. Учтывая, что мы сейчас посреди пустыни, то мы бы увидели хотя бы крыши зданий, но я лично вижу только верхушки пепельных холмов.

– Лично мне плевать на города и все остальное, главное выбраться отсюда, – из подземного бункера вылез парень лет примерно двадцати и вытащил следом за собой два рюкзака и один из которых был изрядно потерт.

– Айкон, цени то, что у тебя есть! – возразил Вацлав, забирая свой рюкзак из рук ученика. – Скажи спасибо, что мы здесь посреди Европы, а не где-нибудь на Черном Континенте. Или ты хочешь заживо зажариться на радость гиенам?

– Да ладно вам, в Африке говорят не так уж и плохо, не в центре континента, конечно, а ближе к океану, – возразил Айкон. – Там как на берегах Тихого Океана, только чуток пожарче, и еще летают мелкие осколки стекла. Кожу режут сильно, несмотря на то, что она у нас на порядок крепче, чем у наших предков из двадцать первого.

– Не называй их предками, – попросил Вацлав, сверяясь с картой и указывая дальнейший путь. – Не хочу иметь ничего общего с теми, кто из-за собственных амбиций и прихоти превратил эту планету в настоящий ад.

– Знаете, как только вернемся, отправимся на юг Гренландии, – пообещал Айкон, следуя за своим спутником и учителем по каменистой пустыне. – Там самый чистый воздух, прохладно, вода опять же чище, чем где-либо еще. Мне кажется, мы заслужили отдых. Я ведь прав?

– Прав, но пока еще рановато об этом думать, – возразил Вацлав. – Сначала нам нужно раздобыть те архивные бумаги, что были погребены по ту сторону пустыни. По разведанным, именно там давным-давно упал военный самолет, перевозивший данные.

– Что за бумаги, я никак не пойму, – признался Айкон, обходя трещину в земле, из которой валил белесоватый пар. – Это какие-то записи о медицинских хитростях, которые сейчас все ищут? Северная Америка уже почти вся полегла из-за чумы.

– Америку уже не спасти, – Вацлав остановился перед высокой и длинной каменной скалой высотой примерно в шесть метров, которая преградила им дальнейший путь. – Тамошняя чума распространяется быстрее, чем размножаются кроли. Все мухой вскрытые чумные могильники.

– Не верю, что этой болезнью нельзя справиться! – возразил Айкон.

– Почему?

– Книжку какую-то читал, там было написано что в Средние Века с чумой люди справились. С трудом, но справились!

– Ценой скольких жизней? – хмыкнул Вацлав. – А теперь представь, как мутировали те бактерии, что вызывают чуму! На фоне того, что творилось последние несколько веков с планетой! Нам с ней точно не справиться. По-крайней мере, сейчас!

– Тогда что мы ищем? – Айкон первым начал взбираться вверх по скале, совершая быстрые прыжки и крепко цепляясь за каменные выступы своими руками. Человеческий мозг стал

быстрее анализировать получаемую информацию, позволяя людям быстрее реагировать на постоянные изменения окружающей среды, поэтому Айкон не боялся сорваться и переломать себе кости. Даже если бы он упал со всей шестиметровой высоты этой скалы лицом вниз, то отделался бы легким испугом и сломанной переносицей. Кости стали крепче, да и кожа приобрела уникальную способность за считанные секунды смещать слои эпидермиса и дермы, образуя естественный доспех. Пули такая броня, конечно, не остановит, но зато не стоило больше волноваться об открытых ранениях, вызванных самыми типичными травмами. Правда, за эту возможность пришлось расплатиться сполна: все остальные свои функции кожа выключала на тот момент, пока работала усовершенствованная функция защиты.

– Я бы сказал тебе, что это за документы, но не имею права, – ответил на поставленный вопрос Вацлав, запрыгнув на вершину скалы следом за Айконом.

– Да ладно вам, – Айкон быстро осмотрел местность по другую сторону скалы, и начал с нее спускаться. – Сейчас люди не должны ничего скрывать друг от друга. Сколько нас осталось? Один миллиард из семи? Причем все разбросаны по миру.

– И не проси! – Вацлав развернул карту. – Я обещал своему нанимателю, что ничего не расскажу, пока мы их не достанем!

– Теперь мне еще сильнее захотелось узнать, что там в этих бумагах, – сказал Айкон, намекая, что последний аргумент его спутника оказался неудачным. – На чем хоть строится ваше обещание? На страхе смерти? На неуверенности в том, что документы именно те, что нам нужны?

– На банальных суевериях! Судя по карте, город должен быть прямо перед нами, – Вацлав резко сменил тему разговора. – Однако я вижу только голые камни и два высохших дерева.

Айкон взял в руки бинокль с надтреснутой правой линзой и тщательно осмотрел каждый закоулок представшей его глазам территории, но тоже не нашел ничего, чтобы указывало на присутствие в этих краях человека или его деятельности.

– Может, тут и не было никакого города? – предположил Айкон.

– Был, – ответил Вацлав, протянув спутнику карту. – Здесь было целых два города: Энгельс и Саратов. Они были подвергнуты бомбардировке еще в начале войны. Мои дальние, как бы мне не нравилось это слово, родственники жили здесь тогда, но успели сбежать до того, как города превратились в пустыню. От них собственно мне и досталась эта карта.

– И именно поэтому сюда отправили вас, – догадался Айкон, вертя карту в руках, пытаясь переложить ее рисунок на местность. – В принципе, карта старая. Если учесть разлом Валдайской возвышенности, то нам копать надо где-то дальше. Нужно только найти реку или ее русло.

– Согласен, – Вацлав с грустью смотрел на свою историческую родину. – Возле города бежала река. Волга. Она была довольно большая, если верить рассказам, так что мы увидели бы ее сразу. Или то, что от нее осталось. Не думаю, что мы пропустили бы огромную длинную впадину в земле.

– Впадина могла зарости даже за последние сто лет, – Айкон вернул карту хозяину и начал снова осматривать местность, но уже без бинокля. – Это проблема современной географии. Если уже через сто – двести лет на месте пустыни оказывается море, а на равнине вырастают холмы, то представь, что могло стать со старой рекой хотя бы за одно тысячелетие!

– Нужно идти дальше, – упрямо заявил Вацлав и попросту спрыгнул со скалы вниз. Суставы на нижних конечностях отлично амортизировали, благодаря все той же эволюционной мутации, поэтому никаких повреждений прыгун не получил, разве что по ногам пробежала резкая краткая боль: так нервы предупредили Вацлава о том, что высота была предельной и будь скала чуть выше, его не спасли бы даже его усовершенствованные суставы.

– Куда дальше? – поинтересовался Айкон, следуя за своим товарищем. – Мы можем до конца света бродить по этой пустыне и искать развалины!

– Конец света уже наступил, – напомнил ему Вацлав.

– Ты прекрасно понял, что я имел в виду, – парировал Айкон. – Мы ведь могли заложить крюк, отклониться от изначального маршрута! Помните, как мы проходили те странные холмы? Готов спорить, там у нас от магнитного излучения компасы полетели. Нужно заново наметить маршрут. Наложить современные карты на карты двадцать первого века, чтобы сузить зону поисков.

– Считаешь себя гением? – поинтересовался Вацлав, присев и ухватив горсть стеклянного бурого песка, которым было усыпано все вокруг. – На первом же привале после этих треклятых холмов я сделал именно это. Зона поисков и так сужена до предела. И потом, я чувствую, что мы близки к цели. Город где-то в этой пустыне. Возможно, за тысячелетия его занесло по самые крыши песком и пеплом.

– Целый город? Да так, чтобы крыш не было бы видно? – Айкону такое мнение показалось сомнительным. – Да даже за десять тысяч лет небоскребы...

– Здесь никогда не было небоскребов, – перебил его Вацлав. – Максимум несколько зданий в двадцать этажей.

– А мы точно идем по Европе? – поинтересовался Айкон. – Судя по твоему описанию, мы должны найти что-то вроде африканской деревушки, у которой не было способа поднять строительный материал выше пятого этажа!

– Это вопрос не ко мне! – Вацлав развел руками. – Откуда я знаю, почему на этих территориях не было высоких зданий. Может, землетрясения частые были или почва размываемая грунтовыми водами. Факт остается фактом, здесь было раньше целых два города, и мы уже близки к тому, что разыскать их!

– Вы говорили об этом дня три назад, если я не ошибаюсь, – Айкон прикрыл глаза рукой, чтобы легкий ветер, волной прокатившийся по пустыне не мешал ему видеть.

Вацлав не ответил, продолжив путь в скорбном молчании. Двое людей долго топали по пустыне, поднимая в воздух клубы стеклянного и обычного песка. Солнце, сокрытое пеленой густых паров частично отравленной земной атмосферы, уже начинало клониться к горизонту, намекая на то, что скоро ночь вступит в свои права. Айкон прекрасно знал, что ночь это не самое подходящее время даже для такого уникального вида как *Homo superior*. Ночь всегда была и осталась временем смерти. Четвертое тысячелетие не стало исключением, и даже наоборот, утвердило это суждение, превратив народные легенды в суровую реальность. Почти на каждом уцелевшем континенте, кроме разве что растаявшей Антарктиды, которая неумолимо приближалась к южной части Африки, можно было встретить волколаков, чудовищных порождений страха, ужаса и смерти. Волколаки стали следующей ступенью эволюции всего семейства псовых. Волки, дикие собаки, домашние собаки, даже самые безобидные болонки из-за резко изменившихся условий должны были приспособиться, как и вся жизнь на новой Земле, но эти существа избрали самый жестокий путь. Внешний вид каждого волколака был сугубо индивидуален, и, если поначалу это определялось породой собаки или видом, который подвергся эволюционным поправкам, то сейчас они стали одним единым видом в одном большом семействе. Волколаки объединялись в стаи, смешивание генов получалось колоссальным и неконтролируемым, в результате чего сформировался весьма успешный и опасный вид животных, сравнимых по своей природной сущности разве что со стаей бешеных волков. Однако, как и у всего живого, у волколаков были свои минусы. Точнее один, но довольно весомый, чтобы поставить успешность этого вида под угрозу. Эти существа не могли ориентироваться при свете солнца. Сложно сказать, что вызвало такую эволюционную недоработку, но люди встретили ее открытие как национальный праздник.

Айкону, впрочем, было уже не до праздников. Вацлав так увлекся поисками своих корней, что, похоже, совсем забыл о банальных принципах безопасности, прописанных в Руководстве. В сумерках уже отчетливо слышался вой первых волколаков, просыпающихся в своих пещерах и норах. С одной стороны Айкона распирало любопытство; за все свои двадцать пять

лет он не выбирался далеко за пределы своей когорты, как стали называть сохранившиеся участки цивилизации. Почему им дали название римского воинского подразделения уже никто не помнил, но в них нельзя было увидеть ничего, кроме окружающего пейзажа и домашнего скота, вроде коров и свиней, которые могли потягаться в размерах с вымершими слонами из двадцать первого века. Другая же сторона заставляла Айкона паниковать и требовала, чтобы он немедленно искал убежище на ночь, в котором можно было переждать активность волколаков. Помимо них, ночью стоило много чего еще бояться, но справиться можно было со всем, даже с периодическими атомными завесами, но вот стаи ночных чудовищ заставляли ретироваться даже самых опытных охотников.

Айкон пытался вразумить Вацлава, но тот упорно шел вперед, даже прибавив шагу.

– В округе нет ничего, где можно было бы спрятаться, – покачал головой Вацлав, когда его спутник указал на маленькие скальные нагромождения. – Похоже на то, что мы вошли в ту зону, в которую люди не входили.

– И что нам теперь делать? – Айкон не на шутку перепугался. Глазами он уже видел тени на дальних скалах, которые принадлежали первым волколакам, выбравшимися на ночную охоту. Разум же отчетливо твердил ему, что смерть уже начала дышать в затылок.

– Видишь вон тот каменистый холм? – поинтересовался Вацлав. – Тот, что окружен деревьями?

– Думаете, там есть укрытие? – с надеждой в голосе предположил Айкон.

– Вряд ли, – Вацлав сразу же отмел предположение спутника. – Но холм достаточно высокий и крутой. Волколаки не смогут забраться наверх, в отличие от нас. Можно переждать ночь там, главное, чтобы не пошла атомная завеса.

Добраться до холма Айкону не составило большого труда. Это было не трудно, учитывая, что солнце уже почти скрылось за горизонтом, уступив свое место на небе луне, а позади уже слышался зазывающий вой волколаков, наметивших себе потенциальных жертв. Нюх у этих вполне реальных исчадий ада был превосходный. Они были сродни акулам; могли учуять добычу за сотни миль. Акул, кстати, Айкон ненавидел куда больше. Акул и еще змей. Это были единственные животные, которым было плевать на какие-либо изменения окружающей среды. Они появились на планете еще задолго до динозавров и почти не изменились с тех самых пор, выказывая свою универсальную приспособленность к любым условиям жизни, поэтому у многих Номо superior они вызывали неподдельный ужас.

Холм действительно оказался хорошей крепостью для обороны против ночных чудовищ. Хотя назвать эту грудку камней холмом было сложно. Это, скорее, напоминало сросшееся нагромождение различных горных пород и разнокалиберных скал, устремившихся ввысь. Рядом находился небольшой пруд с мутноватой желтой водой, а подле пруда росло три раскидистых дерева, в которых по форме листьев Айкон узнал то, что когда-то называлось дубом. Ботанические словари переписывать никто не стал, решив, что растения по своей сути почти не изменились, поэтому при выпуске новых книг ограничились лишь вставкой некоторых поправок.

Вода в пруду была пригодна для питья только в экстремальных условиях, но, заметив, что походная фляжка почти пуста, Айкон плотно заткнул ее пробкой, отложив запас на черный день, а потом зачерпнул полную кружку мутноватой воды и залпом выпил ее, несмотря на вероятный высокий уровень всяческого радиоактивного мусора. Вацлав же прежде, чем наполнять свою пустую флягу вставил в ее горлышко небольшую трубку, в которую был загнан миниатюрный фильтр.

– Черпайте прямо так, – посоветовал Айкон, взбираясь на скалу.

– Не забывай, что у меня только три почки, – напомнил ему Вацлав, не отрываясь от своего занятия. – У тебя-то все четыре и печень в порядке. Ты отфильтруешь всю гадость из этой водички и не моргнешь, а мне может быть худо.

– Ваши проблемы, нечего было глушить алкоголь целыми днями, – Айкон нашел самую высокую точку и уселся на ней, чтобы следить за передвижениями волколаков.

– Не груби старшим! Хотя, я с тобой согласен, но это весьма коварный и дешевый продукт, – согласился Вацлав, закупоривая фляжку и набирая воду в свою кружку. – Нам с четырьмя почками нужно выдуть несколько литров, чтобы почувствовать эффект, а в двадцать первом люди, говорят, падали уже от первых двух стопок. Однозначно вредный и крайне лишний продукт, поэтому я не удивлен, что он пережил все. В этом мире нет ничего, что пошло бы нам только на пользу, здесь только вред.

– Залезай уже! Хватит философствовать! – Айкон занервничал. Несколько волколаков уже приближались к скромному оазису. Разглядеть их детально еще не получалось, но можно было не сомневаться в том, что они увидели человека, стоящего недалеко и вполне готового к употреблению.

Вацлав успел забраться наверх как раз в тот момент, когда первый волколак оказался у подножия каменного холма. Зверь рычал от злости, а его собратья по стае отвечали ему тем же, как бы упрекая зверя в том, что он упустил такую легкую добычу. Вацлав же спокойно уселся как можно дальше от края и начал смаковать отфильтрованную воду, слегка сдобренную небольшой толикой минералов и витаминов, подсыпанных из небольшого походного коробка, который мужчина извлек из своего нагрудного кармана. Айкон же с интересом, рассматривал скапливающихся возле оазиса волколаков.

Звери выглядели куда более пугающе, чем описывалось во всяких научных книжках. Волколаки были крупнее самого обычного волка. У основной их массы была черная взъерошенная шерсть, местами выдранная или вросшая в кожу. У отдельно взятых особей оттенки шерсти варьировали от бурого до пятнистого. Глаза в глазницах располагались настолько глубоко, что с первого взгляда казалось, что их попросту нет, и что на тебя смотрит не живое существо из плоти и крови, а оживший мистическим образом собачий скелет, обтянутой выдубленной кожей. Губ у волколаков не было, вместо них сразу же открывался живописный и устрашающий вид на набухшие десны и острые зубы, по которым стекала желтоватая слюна, содержащая едкое вещество, вызывающее заражение крови у жертвы. Самим же волколакам их собственная слюна не причиняла ровным счетом никакого вреда. Вой этих существ заставлял каждый раз вздрагивать, а рык волколака напоминал нечто среднее между лаем собаки и ревом льва, и тоже не вызывал приятных ощущений. Учитывая, что зверей внизу скопилось более, чем достаточно и все они не могли закрыть пасти, Айкон посчитал, что уснуть будет невозможно. А Вацлав мирно захрапел почти сразу же после того, как допил свою воду вприкуску с сухарем с изюмом.

Для Айкона каждая ночь вне когорты была сущим кошмаром. Юноша не привык спать на голых камнях, как Вацлав, ему нужна была хотя бы подушка и самая простенькая простынь, которой можно накрыться. В убежищах, в которых ему доводилось проводить ночь, всегда была постель. Не всегда чистая, кишачая клопами, но она была, причем почти всегда в придачу с хлипкой кроватью. Так что не удивительно, что вся ночь прошла для Айкона весьма мучительно. Уже под утро, клюя носом от недосыпа и потирая затекшую шею, парень подумал о том, что прошедшая ночь могла сравниться по своему уровню только с ночью его первого дежурства в когорте, когда засыпать просто нельзя было. С этими мыслями Айкон и провалился в долгожданный сон.

Сновидений не было, но это не помешало ему проспять почти до полудня. Проснувшись на уже нагревшемся камне, Айкон поморщился. Шея затекла, ноги и руки тоже, спина болела. Плюс ко всему явно ощущались все признаки миозита, но такова была расплата за поход, а Айкон напросился в него сам. Вацлава на скале не было, но в воздухе, помимо противных техногенных запахов разносились ароматы яичницы. Спрыгнув вниз, Айкон с удивлением уста-

вился на Вацлава, который жарил огромное, судя по размерам лежащей рядом скорлупы, яйцо на широком плоском камне.

– Спер из гнезда, – пояснил Вацлав, посыпая завтрак солью из своей заветной коробочки. – Не страусиное конечно, скорее всего, это яйцо гигантского степного беркута или птицезмея, но на завтрак хватит.

– Где вы успели его найти? – поинтересовался Айкон, собираясь зачерпнуть воды из источника, но увидев рядом следы волколаков, их экскременты и ядерный запах собачьей мочи, воздержался. Не стоило проверять почки не прочность, даже если их целых четыре.

– Пока ты спал, я успел разведать местность. Дрыхнешь ты знатно, поэтому я успел пробежаться на пару километров вперед, – пояснил Вацлав. – Яйцо я нашел в зарослях неподалеку, вместе с целым гнездом, полным мелких косточек. А заодно нашел и русло пересохшей матушки-Волги. Правда, зрелище удручающее. Через пару часов сам увидишь.

Картина действительно была не из приятных. Пережевывая на ходу свою порцию яичницы, Вацлав отвел Айкона туда, где он нашел русло реки. Оно пролегалo совсем рядом от миниатюрного оазиса, который укрыл людей ночью. Реку спрятал очередной бархан в этой ядерной пустыне, который, как и все остальные барханы, состоял из стеклообразного песка, и мелких камешков, случайно попавших в общую кучу.

Волга уже давно превратилась в маленькую струйку воды, текущую по широченному руслу некогда великой реки. Сам ручеек был почти не заметен, его выдавали лишь блики, создаваемые солнечными лучами, падающими под нужным углом. Само русло же напоминало Большой Каньон в миниатюре, с тем лишь отличием, что склоны были добрее и не срывались резко в обрыв, открывая дорогу неминуемой смерти. Сложно было сказать, отражали ли глубина и размеры этого новообразованного каньона истинную глубину и размер русла протекавшей здесь когда-то реки, или же природные и техногенные катаклизмы приложили руку к их изменению, но масштабы впечатляли. Местами берег оброс верблюжьими колючками, вымахавшими до размеров среднестатистической ели, да вездесущими сорняками, которые успешно пережили все катастрофы вместе с ордами тараканов. Сорняки имели разные размеры и формы, вплоть до самых абсурдных, но их всех объединял тот факт, что выглядели они пожухлыми и вот-вот были готовы окончательно расплаться по земле под палящим солнцем. Верблюжьим колючкам повезло больше. Их корни и без того всегда славились своей длиной и способностью добираться до подземных источников воды, а теперь для них вообще не было преград. Совершенно точно можно было сказать, что под всей этой пустыней пролегалы тонны корней, ветвящихся во всех направлениях, образуя естественные коридоры для различной мелкой живности, ушедшей навечно жить под землей.

Вацлав не стал заострять внимания на угрюмый ландшафт, тогда как Айкон заворожено пожирал глазами каждую деталь, уже предвкушая какие истории он сможет рассказать за общим столом в когорте. Пересохшее русло, похоже, стало не официальным центром всей пустыни. За все время путешествия людям не встретилось ровным счетом никакой живности, не считая нападения волколаков прошлой ночью. В каньоне же можно было наблюдать, как на убитой планете возрождается жизнь. Вооружившись биноклем, Айкон смог разглядеть как возле змеящейся крохотной речушки, ползущей по дну пересохшего русла, пасутся дикие вепри, выкапывая из песка и земли коренья. Айкон насчитал около десяти особей, включая детенышей, что уже было не мало, учитывая, что пустыня никогда не прокормит большие стада травоядных. Вепри же весьма успешно и методично уничтожали корни вездесущей верблюжьей колючки, выкапывая их своими огромными клыками, которые отдаленно напоминали слоновьи бивни. У самой воды, если постараться, можно было заметить стайку птиц, похожих на воробьев, правда более светлой окраски и тремя длинными перьями на макушке. Птицы беззаботно плескались, очищая свои пыльные перья, не заботясь о гигантском беркуте, парящем

высоко в небе. Решив, что именно из гнезда этой птицы Вацлав выкрал яйцо, Айкон завершил свои наблюдения и поспешил следом за своим спутником, который ушел уже довольно далеко.

– Сложно сказать, где были города. По идее, один должен был стоять на одном берегу, а второй строго напротив него на другом, но я не вижу строений. Ни единого намека, – произнес Вацлав, когда Айкон его догнал. – Если речушка внизу течет так же, как когда-то неслась Волга, то мы идем верным путем. В любом случае, нам нужны развалины Саратова, а идем мы с другого берега, следовательно, нам нужно перебираться на другую сторону.

– Выходит, мы все-таки сделали крюк? – заметил Айкон, сверившись с картами.

– Выходит что так, – Вацлав остановился и тоже глянул на карты. – Смотри, наша когорта расположена вот здесь, – мужчина ткнул пальцем в конкретную точку на карте. – Между руинами Москвы и заросшим соснами Владимиром. Если бы мы шли вот так, по прямой, то попали бы прямо на развалины Саратова, но, если ты помнишь, вот в этом районе нас настигла атомная завеса. Чтобы не сгинуть в ней, нам пришлось сильно отклониться от маршрута...

– Но мы же могли укрыться в руинах вот здесь!

– Хм... Какая-то Пенза. Не знаю, город или деревня. В любом случае, не дошли бы мы до нее. Или даже если бы дошли, не факт что обнаружилось бы укрытие, да и кто его знает, какие твари там поселились, когда люди ушли. В итоге, мы сделали крюк и зашли на левый берег Волги через руины Самары. Помнишь кучу уродливых развалин, которые мы обошли стороной?

– Естественно, я тогда уже было обрадовался, что мы наконец-то пришли к цели!

– Остается только один вопрос, почему мы не видели Волги или ее русла там, когда сами того не ведая, перемахнули на другой ее берег?

– Может под землю в том месте ушла? – Айкон посмотрел на ручей на дне каньона. – Она теперь вон какая маленькая.

– Вариант, – хмыкнул Вацлав. – Либо в том районе вместо такого вот каньона образовались холмы и на такой тоненький ручеек мы внимания не обратили.

– Ручьев там было много, – сразу же вспомнил Айкон.

– Так ладно, хорош болтать, надо идти, – Вацлав забрал у Айкона карты и спрятал их в свой рюкзак. – Нам до наступления ночи нужно найти место, где можно перебраться на тот берег! Хотя, может попробовать спуститься и здесь!

– Трудновато будет топать, – заметил Айкон.

– Да уж, – согласился Вацлав, поглядывая на тот край каньона. – Даже если мы начнем путь сейчас, то поднимемся наверх на той стороне уже ближе к закату. Можем не успеть найти себе укрытие до наступления ночи.

Айкон поежился. Ему хватило одного тесного знакомства с волколаками, и, если несколько лет назад, он жаждал увидеть этих монстров, то сейчас с удовольствием обошел бы их за несколько миль:

– Давайте лучше найдем место для спуска получше, – попросил Айкон. – Не хочется оставаться один на один с волколаками на дне каньона.

Вацлав кивнул и пошел вперед. Мужчина, повидавший многое в своей жизни, прекрасно понимал состояние своего более молодого спутника, но ничем не мог ему помочь. Если на безопасных территориях он четко знал, где именно расположены укрытия, то здесь, в краях, в которые никто никогда не забирался, о такой роскоши, как убежище можно было забыть. Скала, которая стала для людей спасением прошлой ночью, оказалась счастливой случайностью. Вряд ли фортуна преподнесла бы им нечто подобное так скоро. Это была одна из тех причин, по которым Вацлав выкладывался на полную, не останавливаясь даже тогда, когда его выносливые мышцы ныли от усталости, требуя остановиться. Айкон же вообще уже к вечеру был готов упасть и остаться лежать на песке. Городом на горизонте не пахло, не было видно даже крыш, зато кругом был все тот же неизменный песок, да деревья стали попадаться почаще.

– И как далеко мы можем так уйти? – поинтересовался Айкон, плеснув себе чуть-чуть воды за шиворот, чтобы немного остудиться.

– Ну, я не знаю, где начиналась Волга, но если течение не сбилось и мы идем так, как я думаю, то мы можем уйти до Каспийского Кратера, – ответил Вацлав. – Правда, по пути к нему мы просто обязаны наткнуться на ряд городов. Один из них должен быть нашим.

– Может, развернемся? – попросил Айкон, перепугавшись. Каспийский Кратер всегда славился как самое жаркое место во всей Европы, щедро приправленное залежами медленно распадающегося урана. В учебниках истории говорилось о том, что раньше на месте Кратера было внутреннее море, но после того, как туда рухнул один из спутников, несших целых три ядерных боеголовки, море улетучилось. Снаряды в пух и прах разбили тектонические плиты и освободили вулкан, о котором никто даже не подозревал. Вода быстро уступила место кипящей лаве, которая была только рада вырваться из недр Земли.

– Не беспокойся, далеко мы не уйдем, – Вацлав с беспокойством посмотрел на то, как солнце медленно, но верно уходило все дальше от зенита. – У нас есть где-то еще часов пять, прежде чем солнце скроется и волколаки выползут из своих нор. Если через час мы не найдем никаких следов города, придется спускаться в каньон и искать убежище.

Уже через полчаса Вацлав наткнулся на несколько домиков, по самые крыши засыпанные песком. Айкон попытался было войти в один из них, рассчитывая взять какой-нибудь трофей из своего первого похода, но внутри дома тоже оказался один только песок, засыпавшийся туда через выдавленные стекла. Совсем рядом с домами, виднелись черно-серые куски некое крошащегося вещества, под которым Вацлав почти сразу опознал истертый и почти полностью уничтоженный асфальт, что говорило о том, что рядом пролегалла дорога. Айкон предложил было раскопать один из домов, чтобы использовать его в качестве убежища на грядущую ночь, но Вацлава было уже не остановить. Повинуясь не то интуиции, не то памяти предков, он устремился вперед, периодически останавливаясь, чтобы опознать очередную деталь утерянной цивилизации. Уже совсем скоро Вацлав нашел то, что искал.

Перед путникам предстал огромный мост, вернее то, что от него осталось. По предварительным прикидкам, расстояние, которое когда-то покрывал этот мост, будучи в дееспособном состоянии, было почти около трех километров; может чуть больше или чуть меньше. Часть моста стояла на опорах, занесенных песком, другая часть валялась на дне пересохшего русла в совершенно непотребном виде. И если эти остатки не подлежали вообще никакому восстановлению, то те участки моста, что остались стоять на опорах, вполне неплохо сохранились, хотя ходить по ним все же было не желательно.

– Большой когда-то был мостик, – присвистнул Айкон, осмотрел грандиозные развалины.

– Он соединял правый и левый берега Волги, – ответил Вацлав, смотря на руины не то с гордостью, не то с сожалением. – Нам нужно на ту сторону, а раз моста больше нет, то придется идти пешком по дну каньона. Благо, здесь можно без проблем спуститься.

– Мы не успеем! – заметил Айкон, покосившись на солнце.

– Нет, поэтому переночуем прямо здесь, – Вацлав принял решение, но, увидев испуг в глазах спутника, постарался пояснить детали. – Мы забаррикадируемся на этой части моста. Она уцелела, выглядит прочно. Мне кажется, она нас выдержит. Навалим перед ним мусор; камни; все, что попадет под руку. А потом разожжем костер на нашей стороне и будем отгонять волколаков огнем. Ночка будет еще та!

– Разве эти твари испугаются огня? – поинтересовался Айкон.

– Должны! – Вацлав засучил рукава своей рубашки и принялся тягать здоровенные камни, стараясь уложить их так, чтобы к мосту не осталось никаких подступов. – Баррикаду я возьму на себя, а ты собери все, что может гореть. И постарайся выкопать побольше корней верблюжатины, они горят дольше всего, и их можно использовать в качестве факела.

Прекрасно зная, что Вацлав называл верблюжатиной верблюжьей колючку, Айкон начал именно с нее. Копать корни было немного неблагодарным делом: не всегда можно было найти даже самый маленький корешок, ведь они уходили довольно глубоко. Айкону пришлось спуститься немного вниз по склону каньона, где он смог найти несколько так необходимых ему корней, которые, выбравшись из земли, тянулись прямо по песку, доползая таким образом до небольшого пруда под мостом, который был неким случайным ответвлением уцелевшей речушки. Корни были толстые и не собирались так просто отрываться от почвы, поэтому Айкону пришлось потратить целый час, чтобы обрубить достаточное количество корней своим походным и уже изрядно затупившимся ножом. Поднимаясь наверх, юноша не забывал подбирать горючие материалы, чтобы было чем поддерживать костер, но в основном его добыча складывалась из сухостоя, который должен был прогореть в считанные минуты.

Вацлав, создавая баррикаду, натолкнулся на целые залежи трухлявой древесины, которая тут же была брошена на растопку, но, на счастье, среди общей кучи трухи нашлось целых два крепких и довольно больших полена. Айкон, увидев, что дрова, пролежавшие под песком около тысячелетия, выглядят как новые, засомневался в том, что их стоило пихать в костер, ссылаясь на то, что древесина могла пропитаться взрывоопасной смесью, которая обеспечила консервирование. Однако выбирать не приходилось: первые завывания волколаков уже были слышны, вот только в этот раз они однозначно шли по следу людей, которые смогли избежать их прошлой ночью.

Баррикада у Вацлава получилась довольно высокая и крепкая, но для голодных и озлобленных волколаков она была всего лишь временным препятствием. Покопавшись в остатках моста, Айкон умудрился отломать кусок металлической арматуры из опор, которую он вознамерился использовать в качестве холодного оружия. Вацлав же достал из загашника единственный на их маленький отряд пистолет-пулемет и положил его рядом с собой. Такое оружие не было редкостью. Айкон видел множество самых разнообразных автоматов и пистолетов в своей когорте, даже парочку здоровенных ракетных установок. Дефицитом были патроны. Правильного способа их изготовления никто не знал, поэтому каждый патрон был на вес золота. У Вацлава же их была целая куча. Еще одно доказательство того, что разыскиваемые им старинные бумаги были очень ценными, раз Орм, старосты когорты, выдал полный боекомплект.

Костер поначалу не желал разгораться: то его задувал ветер; то спичка потухала прежде, чем ее успевали донести до заложенных посреди трухи и сухих веток клочков бумаги. Где-то попытки с десятой Вацлаву удалось разжечь огонь, но по его примерным подсчетам, горючих материалов могло не хватить до утра. Айкон подполз к краю моста и посмотрел вниз. Путей к отступлению он не нашел, ведь высота была приличная и амортизирующие суставы здесь уже не спасли бы. Оставалось лишь надеяться на то, что волколаки не смогут добраться их.

Первая половина ночи прошла спокойно. Айкон и Вацлав почти не спали, лишь изредка закрывая глаза и дремля несколько минут. Костер исправно горел, скрывая запахи людей своим дымом. Изредка он вспыхивал синим или зеленоватым цветом, когда в языки пламени попадались сконцентрированные в древесине химические соединения меди, бора или индия. Волколаки, как и прочие животные до них, всегда стремились уйти подальше от запахов дыма и гари, которые ассоциировались у них с бесплотным свирепым убийцей, сжигавшим их заживо. Однако весь горючий материал уже подходил к концу, костер медленно догорал, питаясь всего тремя палочками. Дыма становилось все меньше. Пару раз несколько волколаков прошли мимо, не заметив двух людей, спрятавшихся за баррикадой, но скоро они должны были почувствовать запах своей добычи даже сквозь дымящиеся корни верблюжьей колючки. Это был лишь вопрос времени.

Счет времени бессонной ночью был утерян. Айкон не мог точно сказать, сколько минут он честно следил за костром, а сколько впадал в кратковременный сон. Все это напоминало ему опять все то же первое дежурство в когорте, правда, волколаки, бродившие совсем рядом

не давали возможности расслабиться и представить, что за твоей спиной находятся безопасные стены. Вацлав же умело скрывал свой страх, ведь на счету у него была не одна вылазка за пределы когорты. Этот ветеран побывал практически во всех доступных ему уголках Земли, включая жаркие просторы Африканского континента.

– А какая ситуация была для вас самой сложной? – прошептал Айкон, решив скоротать ночь за разговорами. – Я имею в виду, какой поход был самым трудным?

– Наверное, мой путь между когортами в Якутии, – так же шепотом ответил Вацлав, протягивая юноше несколько порядком подсохших пряников. – Расстояние было маленькое, можно было преодолеть его за день и полночи, но оно вылилось для меня в самое жуткое путешествие.

– Из-за волколаков? – Айкон услышал вой зверя в ночи и решил, что его спутник заговорит о них.

– Нет, волколаки на самом деле просто досадные мошки по сравнению с тем, что прячется в самых негостеприимных местах нашей планеты, – Вацлав откупорил свою фляжку с водой и отхлебнул немного, чтобы промочить горло. – Я тогда был с одним из своих боевых товарищей. Мы с ним вместе прошли насквозь почти всю Южную Африку. Нам дали самое простое задание: перенести из одной когорты в другую запасы провизии: крупы, зерно, консервы. Из южной в северную. В последней случилось нашествие саранчи, поэтому почти все запасы провизии были уничтожены. Дорогу тогда размыл кислотный дождь, поэтому добраться до северной когорты можно было только пешком. Все казалось просто, мы почти добрались до цели и уже считали минуты до того, как мы завалимся на ближайший рынок и купим себе все, что душа пожелает, благо плата за работу была достойная.

– И что же случилось? – поинтересовался Айкон, подождав пока Вацлав молча разворошит затухающий костер и подкинет в него последние веточки от верблюжьей колючки.

– Атомная завеса, – ответил Вацлав, возвращаясь на свое караульное место у баррикады. – Одна из самых сильных, что я видел. Ты ведь прекрасно знаешь, что находится на пути у атомной завесы опасно для жизни даже для нас. Это стихийное бедствие, которое можно назвать адской смесью между взрывной волной, песчаной бурей и цунами. В общем, мы спрятались в пещере, чтобы переждать. Завеса шла долго, поэтому мы с товарищем, решили немного вздремнуть. Пещера была маленькой, никакой опасности мы не видели, однако, мы ошиблись. Я проснулся где-то через час, от того, что что-то внутри пещеры скреблось, как мышь в шкафу. Когда я понял, что произошло, мой товарищ и лучший друг уже был разорван на части самой ужасной тварью, которую я видел.

– Ужас! – Айкон уже начал жалеть, что попросил рассказать эту историю.

– Да, это был ужас во плоти, – согласился Вацлав. – Эта тварь пряталась на потолке пещеры, куда мы даже не думали смотреть, ведь ожидали увидеть кого-нибудь, вроде волколаков, а не его. Уже потом спустя месяц я узнал, что это был за зверь. Камазотц. Так его звали. У майя, южноамериканского племени, жившего на Земле еще до Войны, были легенды о дьяволе, которого так звали. Теперь же это имя носит этот зверь. Он похож на громадную летучую мышь. Она настолько ненасытна, что кусает жертву один раз, разом выпив половину всей его крови, а потом бросает добычу и летит за следующей жертвой. Возможно, это и был дьявол майя. Как бы то ни было, я перепугался, бросил обоз с едой, который мы загнали в пещеру и бросился прямо в бушующую атомную завесу. С меня заживо сдирало кожу, зрение стремительно снижалось, из организма испарялась вода. Еле живой я добрался до когорты.

– Ты больше не видел это существо? – Айкон испуганно прижался к куску мостового борта.

– Я не стал возвращаться в пещеру, – Вацлав еще раз помешал костер железным прутом. – Я просто сказал, где остались припасы. Камазотца убить не удалось. Он испугался огня и улетел. Я же, наверное, год торчал в этой когорте, заливая горе алкоголем. Собственно там я

и оставил одну из своих почек. Понимаешь, у меня было такое состояние, что того и гляди с ума можно было сойти. Мы с другом прошли через все вместе. А он так глупо погиб. Во сне, даже не успев нанести той твари ни одного удара. А я сбежал как трус. Ну и плюс один только вид этой твари преследовал меня каждую ночь, стоило мне попытаться заснуть.

Айкон собирался было сказать, что любой убежал бы из пещеры, в которой засело чудовище, и что пройти через атомную завесу не есть трусость, но не успел. Раньше, чем его слова успели сорваться с губ, совсем рядом раздался оглушительный вой.

Вацлав, конечно же, среагировал быстрее Айкона, пронзив первого волколака, осмелившегося перепрыгнуть баррикаду, раскаленным металлическим прутом. Однако зверей уже было не остановить. Они почуяли запах людей сквозь дым, а раз в округе больше не пахло никакой дичью, то волколаки решили действовать коллективно, пытаясь задавить противника числом, а уже потом делить желанную добычу. Второго волколака Вацлав тоже сумел отогнать. Зверь угодил лапами в огонь, и его бурая шкура вспыхнула как сухая хворостина. Животное завывало от боли, которую ему причиняло пламя, и ринулся вперед. В темноте трудно было разглядеть, где кончается уцелевший кусок моста, поэтому не удивительно, что волколак почти сразу загремел вниз, переломав себе все кости. Голодные звери все наседали. Часть их них, конечно же, кинулась вниз, чтобы сожрать своего павшего товарища, но почти половина стаи продолжая наседать. В какой-то момент Вацлав не смог предугадать выпады хищников, чем волколаки не замедлили воспользоваться. Особо прыткий из них извернулся и впился своими загнутыми назад острыми зубами в ногу зазевавшегося мужчины. Вацлав вскрикнул. Зубы сразу же прошли все слои кожи и впились прямо в мышцы. Чувствительные носы волколаков почуяли кровь жертвы и торжественно завывали. Их триумф прерывал выстрел, которым Вацлав разнес голову волколаку, посмевавшему его укусить.

– Вы в порядке? – в одной руке Айкон сжимал полыхающий корень верблюжьей колючки, а в другой увесистую дубинку, из дубового сука, которой он уже успешно проломил несколько волколачьих голов.

– Бей их, – прокричал Вацлав, начав тотальный отстрел прыгающих через баррикаду волколаков. – Нужно перебить запах моей крови их кровью, тогда звери отступят. Они почуют, что терпят поражение.

Айкон не был так уверен в словах своего боевого товарища. Волколаков полегло уже достаточно, но они все равно продолжали упорно лезть через баррикаду, навстречу смерти, словно лемминги. Айкон лично не видел ни одного лемминга, но из научных трактатов по зоологии, сохранившихся с двадцать первого века, он прекрасно знал, что лемминги имели коллективные суицидальные наклонности. Волколаки сейчас вели себя точно так же. Им было начихать на сохранности собственной жизни, словно эволюция выключила у них инстинкт самосохранения. Площадка у костра уже была сплошь усеяна трупами хищников, но они все не успокаивались. Отмахиваясь огненным корнем от очередного зверя, Айкон невольно заметил, что каждый новый волколак, перемахивающий баррикаду Вацлава, оказывается сильнее и хитрее предыдущего, словно вперед всей стаи вырвались неопытные и самые слабые звери в качестве пушечного мяса.

– Берегись! – прокричал Вацлав, голыми руками удерживая пасть волколака, нацелившегося ему в плечо.

Поначалу Айкон не понял, чего именно ему надо беречься. Ситуация особо не изменилась, разве что баррикада слегка обрушилась обеспечив хищникам более свободный проход. А потом он понял. Перед костром стоял огромный черный волколак, который, стоя на четырех лапах, доходил Айкону до пояса. Встань такой зверь на задние лапы, он мог бы свободно положить передние на плечи даже Вацлаву, который был на голову выше Айкона. Черная шерсть этого волколака была густой, скомканной, местами даже слипшейся от старой засохшей крови, но даже она не могла скрыть массивных мышц, перекачивающихся под кожей при

любом движении зверя. Красные, налитые кровью глаза, вместе с леденящим кровь оскалом челюстей без губ, четко дорисовывали уже и без того сформировавшийся облик вожака волколачьей стаи. Айкон махнул пару раз перед мордой зверя огненным корнем, но вожак даже не моргнул. Рыча, он медленно двигался навстречу человеку, прикидывая, с какого бока его укусить. Айкон тоже был весь на взводе. Дубина в руке внезапно стала жутко тяжелой, словно состояла из свинца или титана, а горящий корень верблюжьей колючки медленно затухал и начинал нещадно дымить, закрывая обзор. Айкон не видел, что стало с Вацлавом, но зато от глаз юноши не укрылось, как вожак стаи приготовился к прыжку. Превратившись в подобие натянутой пружины, Айкон дождался прыжка зверя и, вовремя увернувшись от смертоносных клыков и когтей, которыми вожак метил ему прямо в горло, резко опустил дубину прямо на голову хищника. Удар слегка отклонился от заданного курса, но эффект оказался даже лучше. Получив сокрушительный удар в челюсть, выбивший ее из суставов, черный волколак отлетел на несколько метров и насадился прямо на железный прут, торчащий из остатков дорожного покрытия, которое когда-то пролегало по мосту. Остальные волколаки как по команде бросились в рассыпную.

– Отличный ход, – послышался голос Вацлава. – Следующую ночь мы сможем провести в открытом поле с чистой совестью, волколаки не вылезут из укрытий, пока не появится новый вожак.

Сначала Айкон испугался. Вацлав сидел возле баррикады поверх убитых им волколаков и зажимал рукой рану на ноге. Штаны пропитались кровью, на песке рядом уже натекла приличная струйка крови.

– Нечего смотреть, – своим голосом Вацлав вывел Айкона из оцепенения. – Поддай мне резиновый шнур из моего рюкзака. И пару бинтов заодно.

Айкону еще не приходилось видеть, как оказывают первую помощь. В когорте никто особо не рвал на себе собственную плоть. Вацлав орудовал средствами первой помощи так, будто занимался этим испокон веков. Сначала он затянул резиновый шнур выше раны, а потом щедро полил ее из маленькой фляжки. Судя по запаху, Айкон решил, что в ней был какой-то алкогольный напиток. Вацлав зашипел, видимо, вылитый в рану алкоголь возвращал боль, полученную после укуса, либо добавлял новую. Однако кровотечение прекратилось. Сложно было сказать, что этому поспособствовало: примитивное лечение или повышенная активность тромбоцитов и всей свертывающей системы крови. Вацлав же быстро туго перевязал рану бинтом и только после этого развязал резиновый шнур.

– Где ты этому научился? – поинтересовался Айкон, помогая боевому товарищу подняться.

– Долгая история, – ответил Вацлав. – Мы с моим покойным другом выудили несколько медицинских конспектов из уцелевшей ветки московского метро в нашу первую вылазку из когорты, чтобы потом выгодно толкнуть в Научном Центре. Само собой, оставили при себе несколько нелегальных копий, чтобы изучить и, во возможности, еще раз их продать. При случае расскажу в деталях. А сейчас надо идти дальше. До рассвета конечно еще далеко, но волколаки, как я уже говорил, пока вышли из игры. Нужно двигаться, а то я теперь, как видишь, в бегуны не гожусь.

До рассвета люди смогли преодолеть небольшое расстояние. В начале, Вацлав настоял на том, чтобы Айкон содрал часть шкуры вожака волколаков, как трофей и показал, как его сохранить до возвращения в когорту. Затем они спустились в русло пересохшей Волги, и, держась рядом с обломками моста, начали медленно продвигаться вперед. Примерно часа через три, Вацлав устало привалился к невысокой березке с надувшимся стволом, чтобы передохнуть. На бинтах проступило несколько кровавых пятен, но жизни Вацлава это не угрожало. Предоставив спутнику отдых, Айкон сбегал на разведку и добыл немного воды, не забыв предварительно профильтровать ее для Вацлава. С рассветом в каньон вылезли все. Они расха-

живали среди обломков моста, выскивая корешки и мелких насекомых, вроде вездесущих рыжих тараканов. Айкон благоразумно не стал подходить к ним близко, решив, что вепрю будет не достаточно одного удара дубины по голове. К слову сказать, ее Айкон тоже взял с собой, решив, что сделает из нее полноценное оружие, если вернется в свою когорту.

Вацлав тоже не сидел сложа руки, несмотря на то, что был ранен. Айкон застал его заковырянием ствола березы острым перочинным ножом. Аргументировав это тем, что березовый сок крайне полезен, Вацлав глубоко всадил нож в сточенную кору и подставил кружку под струю сока. Вдоволь напившись целебной природной жидкости, которая чудом не пострадал от ядерных испарений, Вацлав протянул кружку Айкону, и, пока тот пил, рассказал ему о том, как раньше, до изменения мира, сок появлялся только весной. Сейчас же березы, как впрочем, и многие другие деревья, накапливали сок про запас, чтобы пережить, скажем, атомные завесы. Когда и Айкон распробовал вкус березового сока, Вацлав бережно заколотил дырку в стволе куском глины, чтобы не лишить дерево его драгоценных запасов.

Дальнейший их путь до города ни чем не отметился. Ни чудовищ, ни атомных завес, ни кислотных дождей. Жара, правда, никуда не делась, да и ветер периодически поднимал в воздух тучи стеклянного песка, из-за чего людям периодически приходилось закрывать глаза, но по сравнению с прошлой ночью это были сущие мелочи. Выбраться из русла реки тоже получилось с первого раза и без проблем. Айкон правда при подъеме расцарапал руки о каменную крошку, но такие царапины не стоили того, чтобы ради них смещать слои кожи для защиты.

Город выглядел совсем не так, как представлял его себе Айкон. В его голове складывалось картинка брошенных домов; пустынных улиц, занесенных песком и ветра, завывающие среди безлюдных кварталов. В реальности все было совсем не так. Дома были не то что разрушены и брошены, они превратились в безумные руины, валяющиеся в таком хаотичном порядке, что представить страшно. Дороги были разворочены, словно по ним проехала целая армада танков. Вацлав правда заикнулся о том, что дороги всегда так выглядели, после чего подавил смехок и заметил, что хоть что-то не изменилось после разрушительной войны, изменивший все пейзажи планеты. Айкон же был готов поспорить, ведь посреди дорог в двадцать первом веке явно не было широких трещин ведущих к пересохшим подземным рекам и, по счастью, таким же высохшим канализациям. Хотя из одной такой трещины, попавшейся на пути, валил дым, словно где-то на дне активно работал горячий источник. Принюхавшись, Вацлав определил, что в воздухе много сероводорода и поспешил убраться от этой трещины подальше. Из всех представлений Айкона о заброшенном городе оправдалось лишь одно: песок. Он был повсюду. На дорогах, руинах домов, в канализации. Порой даже на крышах можно было увидеть целые куски известняка и песчаника.

Часть домов, вернее, их остатков, была увешана нитевидными красноватыми стеблями, которые опутывали их словно паутина. Безжалостно оторвав один такой стебель, Вацлав твердо заявил, что перед ними раскинулись стебли повилики, растения паразита, который мутировал так же, как и все живое вокруг и начал высасывать соки не только из растений, но и всякие минералы их камней и песка, а также жадно высасывая из атмосферы целый букет газов.

Что касается самих газов, то среди них явно были определенные взрывоопасные смеси, присутствие которых выдавали резкие хлопки, за которыми следовал густой черный дым, вздымающийся над обрушенными костяками домов. По счастью, концентрации этих газов были небольшими, иначе одного взрыва было бы достаточно для того, чтобы разнести двух *Homo superior* на куски.

Айкон еще в начале похода знал, что найдя город, они будут только на полпути, однако он даже не представлял, что окажется прав на все сто процентов. Обыскать руины для двоих было трудновыполнимой задачей. Если бы целью поиска был крупный объект, то проблем было бы намного меньше, но Айкону и Вацлаву нужно было отыскать энное количество старых, уже, наверное, обветшавших бумаг, которых в городе было великое множество. Вломившись в пер-

вый же попавшийся дом, Айкон сразу же наткнулся на кипы разорванных книг и тетрадей, разбросанных на припорошенном песком полу. По большей части это были обрывки художественной литературы, да какие-то записи, не несущее никакой необходимой информации. Вацлав не утруждал себя обысками каждого строения, встречавшегося ему на пути. Матерый путешественник знал, что те бумаги, за которыми он потащился в такую даль, перевозились на самолете, поэтому Вацлав сосредоточился именно на поисках обломков летающей птицы. Айкону он мешать не стал, решив, что юноше будет полезно воспользоваться ситуацией и ознакомиться с новыми для него предметами и обстановкой. Вацлав по своему опыту знал, что среди разрушенных городов можно найти много полезного, как для себя, так и для своей когорты. Воспоминания увели Вацлава от реальности. Ему вспомнилось одно из своих путешествий, где он умудрился набрести на старую библиотеку, просевшую под землю. Там, среди тараканов, он нашел несколько пожелтевших газет и полевых дневников, которые помогли восстановить часть картины прошлого; картины двадцать первого века, картины, которая предшествовала разрушительной войне. Конечно, считать эти записи правдой было нельзя; они были одной из теорий, которая вероятнее всего подходила к той истории, которая дошла до пятого тысячелетия.

Медленно продвигаясь к центру города, люди все чаще натыкались на более-менее сохранившиеся строения. При должном обращении и правильном расположении рук на теле их можно было бы даже привести в порядок. Большая часть многоэтажных задний наполовину рассыпалась, но вот постройки поменьше стояли почти нетронутыми, разве что в них были выбиты все стекла, а стены покрыли разной ширины трещины. Встречались и более интересные детали архитектуры. Пока Вацлав сосредоточенно обыскивал готическую металлическую массу, которая воткнулась в дорожное покрытие и вполне могла быть покореженным самолетом, Айкон увлеченно исследовал довольно странные руины, похожие на обособленный от всего остального маленький городок.

– Эй, я что-то нашел! – прокричал юноша, углубившись в сеть из развалин.

– Тише, – Вацлав вернулся к реальности. – Никогда не кричи в подобных местах без особой надобности. Ты ведь не знаешь, кто здесь есть, а кого нет.

– Хорошо! – произнес Айкон уже чуть тише. – Смотри, здесь была какая-то организация.

Участок, который исследовал юноша, действительно оказался весьма странным. На его территории стояло несколько пышных зеленых елей с намертво затвердевшей смолой на стволе, которые одним только своим видом вносили разнообразие в унылый пейзаж разрушения. Казалось, что посреди всеобщей разрухи эти хвойные деревья чувствовали себя лучше всего. Рядом стояло невысокое здание, в котором Вацлав опознал православную церковь, по большей части благодаря кресту, чудом уцелевшим на крыше. Стены у нее уже давно обвалились, ввалившись внутрь, оставив одни только опоры, да несущие балки, смотрящиеся как куски скелета. Однако крест выглядел так, словно был только что установлен. Вацлав уже видел такой; в его родной когорте в храме, где каждая религия получила свой отдельный уголок, он видел похожий крест, поэтому с идентификацией проблем не возникло.

– Нужно будет зайти туда, – решил Вацлав. – Я понятия не имею, есть ли Высшие Силы или нет, но если вдруг они все-таки существуют, то пусть хотя бы одним глазом увидят, что здесь творится и помогут нам.

Хруст сломанной ветки заставил Вацлава обернуться. Айкон, уже не слушая своего старшего товарища, рылся в руинах зверски покореженного здания.

– Здесь скелеты! Много, – юноша аккуратно перешагивал через кости, стараясь не наступать на них, а в особенности на черепа, которых почему-то было больше, чем всего остального. Вацлав забрался на песчаную насыпь и съехал по ней внутрь развалин.

– Сколько же здесь людей накрыло! – Айкон наклонился, чтобы рассмотреть истлевшие на солнце тела своих далеких предков.

– Прилично, – Вацлав покопался среди разломанной тумбочки и извлек небольшую тряпицу с почти выцветшим гербовым знаком. – Похоже мы на территории медицинского университета или какой-нибудь крупной больницы. Такие заведения бомбили особо активно и безжалостно.

– С чего ты взял?

– Ну, полноценного геральдического знака на этой тряпке нет, сохранилась лишь часть, но на ней, пусть и немного нечетко видна надпись «медицинский». Упс!

Последнее слово Вацлава сопровождало его неловкие движения, из-за которых тряпица, некогда бывшая флагом не то медицинского университета, не то больничного комплекса рассыпалась на пыль и мелкие кусочки обветшавшей и частично впитавшей массу химических веществ ткани.

– А зачем тогда здесь крест, если тут была медицинская организация?

– Ну, может на территории стояла церковь! Почему бы и нет?

Айкон заметил в руках одного скелета папку, завернутую с кучу тряпья. Папка оказалась запечатана в несколько слоев полиэтиленовых пакетов, так что ее особо не коснулись ни время, ни кислотные дожди. Аккуратно вытащив папку из предсмертных объятий ее покойного хозяина, Айкон бережно ее раскрыл. Широкие белые листы, вложенные в нее, пожелтели от времени, но на редкость хорошо сохранились.

– Какие-то конспекты! – заметил Айкон, осторожно перебирая находку

– Это не просто конспекты, – заметил Вацлав, взял в руки один из листов. – Здесь описаны медицинские манипуляции, течение заболеваний... Это самое настоящее сокровище! Ты нашел едва ли не самую грандиозную находку века!

– Серьезно? – переспросил Айкон, быстро запечатывая конспекты обратно.

– Серьезнее некуда, – Вацлав с одобрением похлопал Айкона по плечу. – Чтобы не произошло сегодня, в свою когорту ты вернешься героем. А потом тебя на персональном катере перевезут в Гренландию, чтобы ты мог передать эти сведения. Ты ведь хотел туда? Это твой билет. Билет в лучшую жизнь, чем выживание в наспех построенных когортах, где люди живут друг у друга на головах. Главное сохранить и донести все это добро в целостности и сохранности.

– Нужно обыскать здесь все! – Айкон вошел в раж и, уже особо не заботясь о сохранности скелетов, начал активно копать в развалинах, надеясь найти еще что-нибудь ценное.

– Смотри, предыдущие находки не потеряй! Если грамотно их толкнешь, то сможешь купить неплохую комнату в одном из домиков в Гренланде! А то и в целый дом. Смотри как будешь торговаться.

– Вот найду еще что-нибудь и точно куплю себе целый дом! – Айкон стал еще усерднее рыться в развалинах. – Где-нибудь в элитном районе Гренланды, поближе к побережью.

– Ты Аде еще не передумал предложение делать? – как бы невзначай поинтересовался Вацлав.

– Нет, а что?

– Так, ничего. Когда получишь свою награду, подумай о том, чтобы купить кольцо получше. А вообще, не стоит тебе пока распределять еще не заработанные деньги.

Предоставив поиски всякой мелочи более зорким молодым глазам своего ученика, Вацлав пошел дальше, продолжая разыскивать обломки упавшего когда-то самолета. Он прекрасно понимал, что за то время, которое прошло с момента его падения, могли остаться только куски обшивки, да черный ящик, но это не давало Вацлаву повода ослабить бдительность. В городских руинах кто-то затаился. Вацлав чувствовал на себе чей-то взгляд, по его спине начинали бегать мурашки, когда казалось, что этот некто смотрит прямо в упор. Пару раз где-то рядом внезапно и без видимой причины начинал осыпаться песок и съезжать камни, что только заставляло настораживаться лишней раз. Мужчина знал около сотни самых различных существ, которые могли притаиться в развалинах города, не считая упомянутых им в рас-

сказе Айкону камазотца и встреченных волколаков. Каждый шорох, возникающий на обыскиваемой территории и совершенно не являющийся природными звуками, которые могли бы быть завыванием ветра, пролетающим сквозь пустые окна разбитых в хлам зданий или шелестом выросших среди завалов растений, заставлял Вацлава каждый раз прокручивать в голове названия всех известных ему убийственных тварей своего времени. Котолаки, беоры, ликои, крысиные короли, исполинские аподоры, тарасекты, бумсланги, гигантские пауки, сольпуги... При этом, из своего списка мужчина исключил тех жутких существ, которые в большом количестве водились на территории бывшей Москвы и ее ближайших окрестностей, эволюционировавших из тех многочисленных зверей, что некогда содержались в зоопарках. Правда, куда сильнее, Вацлав боялся людей. Обычные искатели, которые могли промышлять среди руин в поисках реликтов ушедших эпох и просто полезных в быту предметов, чудом оставшихся не обнаруженными, угрозы, естественно, не представляли. Такие встречи, по большей части, проходили мирно. А вот тех представителей человеческой расы, которые получили множество внешних и порой внутренних уродств, окрещенных тератоидами, мужчина опасался.

Начав обход территории университета по периметру, Вацлав совершенно случайно заметил приличных размеров провал, прорезавший собой напополам просевшую дорогу. Все бы ничего, таких провалов по всему городу было бесчисленное количество, но вот только из этого торчал большой кусок покореженного металла, который внешним видом очень сильно напоминал крыло самолета.

– Айкон! – прокричал Вацлав, подойдя к краю провала и посмотрев вниз.

– Я здесь! – голова Айкона показалась уже над руинами другого здания.

– Что там у тебя? – поинтересовался Вацлав, вглядываясь в тени на дне провала, которые, как ему показалось, шевельнулись.

– Нашел еще пару бумажек, – ответил Айкон. – На медицинские записи не похоже, скорее на подсчеты какие-то. Зато мелочей прихватил, лично для себя. Вроде бы хлам, но, может, потом обменяю на что-нибудь.

– Закругляйся, – помахал ему Вацлав. – Кажется, я нашел тот самолет. Придется спускаться в канализацию.

– А как мы туда спустимся? – Айкон довольно быстро подскочил к учителю. – Там на дне полно торчащих вверх железок; вода, наверное, настолько отравлена, что даже фильтр не поможет.

– Нам придется спуститься, – Вацлав перезарядил свой пистолет. – Будем аккуратно съезжать вдоль стенки. Я не знаю, что там внизу, поэтому будет лучше, если мы прикроем друг другу спины.

Чтобы не потерять или не испортить драгоценные находки, Айкон оставил свой рюкзак рядом с провалом, повесив его на древесный сук небольшого каштана, судя по всему, засохшего. Вацлав начал спуск первым, периодически останавливаясь, чтобы оценить ситуацию, однако, все его тревоги оказались в какой-то мере ложными. На дне провала их никто не ждал, даже огромные тараканы, которых люди уже успели навидаться не только в своем путешествии, но и в своих собственных когортах. Самой канализации как таковой уже не было. Отходы, стекающие раньше по узеньким коллекторам, конечно, намертво укоренились в земле, уже успев окаменеть, но вода, льющаяся по дну провала, явно была иного происхождения. Айкон зачерпнул немного ладонью и выпил, после чего, с видом дипломированного дегустатора заявил, что вода качественная, годится для употребления, хотя имеется специфический привкус. Юноша выдвинул свою теорию насчет того, что вода шла из подземного источника, но Вацлав развеял его радужные предположения, сказав, что все дело в окаменевших экскрементах на стенках провала. Айкон еле сдержал рвотный позыв, и пить больше не стал.

Самолет, за которым, собственно, люди и спустились, действительно выглядел весьма печально: от него практически ничего не осталось. Вацлав первым делом нашел черный ящик,

но он, увы, уже был настолько изувечен, что можно было и не мечтать о том, чтобы восстановит данные. Особо напрягали следы зубов на коробке, в которой он хранился. Тяжело вздохнув, Вацлав выбросил непригодную для дела находку в воду и продолжил дальше копаться в хламе и железном остове самолета, предоставив Айкону следить за ситуацией

Юноша не сразу заметил угрозу. Крысы, хоть и были размером с немецкую овчарку, выучились маскироваться так, что их пятнистую желто-бурую шкуру было трудно отличить от песка и камней. Внешне они выглядели как самые обыкновенные крысы, селящиеся среди зерновых складов и в курятниках, но их мелкие злобные глазки заставляли вздрагивать. Одна из крыс, сняв свою маскировку, вышла на свет и, выгнув ощетилившуюся спину, зашипела, показывая Айкону, кто здесь хозяин. Одно из ушей этой крысы напоминало разорванную тряпку, а типичный для этого грызуна голый хвост был жестоко отгрызен примерно на половину. Облезлая шкура так часто контактировала с различного рода химикатами и влагой, что местами окрасилась в зеленоватый оттенок, благодаря миллиметровым плесневым грибкам. Крыса устала на замершего Айкона своими маленькими, по сравнению с размерами тела, глазками и продемонстрировала кривые зубы. Они были не в самом лучшем состоянии: множество сколов эмали, налеты и кровоточащие десны. Все это безобразие было щедро сдобрено вязкой слюной, которая растягивалась во рту животного, подобно мягкой жевательной резинке.

– Нашел! – Вацлав, ничего еще не подозревая, выбросил из самолета обшарпанное и погрызенное сиденье. – Я нашел документы!

– Вацлав, – жалобно позвал учителя Айкон, не сводя глаз с крысы, которая явно заинтересовалась новым источником звука.

– Контейнер не тронут, такое чувство, что его только что сюда положили, – Вацлав выбрался из обломков самолета с улыбкой на лице и продолговатым черным ящичком, герметично запертым.

Сложно было сказать, кто больше испугался: крыса или Вацлав. Мужчина явно не ожидал, что рядом его будет поджидать очередной результат мутации и прогресса эволюции, а крыса, в свою очередь, явно не была готова нападать на двух людей, вместо одного. Прежде, чем Вацлав успел выстрелить из своего пистолета, крыса громко пискнула и юркнула в разломанную трубу коллектора, еле пропихнувшись в ее отверстие своей тушей.

– Кажется, пронесло! – с облегчением вздохнул Айкон. – Я уж было думал, что она меня съест.

– Одна крыса ничего не сделает, – заметил Вацлав, держа отверстие трубы под прицелом. – Они трусливы по своей сущности, но вот если крысы собьются в стаи...

– Можешь не продолжать, – Айкон внимательно осмотрел стены провала, выискивая глазами удобный подъем.

– Айкон, – Вацлав щелкнул затвором пистолета. – Будь готов бежать так, как никогда не бегал.

Юноша повернулся и замер на месте, не в силах пошевелиться. Около двух десятков огромных злобных крыс выстроились на дне провала. Сложно было сказать, сидели ли они там все это время, или же примчались тотчас же, как их собрат подал свой писклявый сигнал. В глазах этих животных, как впрочем, и у любого другого вида, светилась злоба и вечный голод. Однако не в крысах была проблема. Вацлав смог бы перестрелять половину, а вторая бы часть крысиного войска сбежала бы, но у этих кровожадных грызунов действовал тот же принцип сообщества, что и у волколаков. Их вел вожак. Крыса, перецеголявшая по своим габаритам своих подчиненных. И не только в размерах. Неподготовленный глаз увидел бы не одну крысу, а целых двадцать или тридцать, однако вся эта масса переплетенных голов и хвостов была одним единым организмом. Из всей этой массы сросшихся крыс на ранних этапах сращения выделялся кто-то один, наиболее здоровый, с хорошо развитым организмом без каких-либо серьезных отклонений. К нему прирастали остальные, причем не всегда в правильном направ-

лении. Какие-то головы росли на спине, другие выглядывали с живота. Только все их хвосты срастались в одном месте наподобие запутавшихся нитей. Если представиться случай пустить такое животное на биологическое и гистологическое исследование, то вполне наверняка выяснится, что от головного мозга ведущей головы в тела остальных крыс, ставших придатками, проросли нервные волокна в полной своей комплектации вместе с ганглиями, нейронами и рецепторами. Единственное, что, пожалуй, не стоило изучать или считать у этого существа, то это, пожалуй, его конечности. Если голов Айкон насчитал как минимум семнадцать, то лап было куда больше. Из расчета по четыре лапы на одну голову, их должно было быть шестьдесят восемь, но сосчитать их вручную было весьма затруднительно.

– Крысиный король, – Вацлав направил пистолет на эту ужасающую тварь, хотя прекрасно понимал, что толку от его оружия не будет. – Вот и верь после этого всяких сказкам. Омерзительнее этого я в жизни не видел.

– А как же тот омерзительный слизень, который выполз из болота в начале нашего похода? – Айкон пытался пошутить, но при виде крысиного короля, это было совершенно неуместно.

– Айкон, у меня в рюкзаке есть граната, – Вацлав с напряжением наблюдал, как крысиный король вразвалку подходит ближе. – Нашел?

– Ага, – Айкон осторожно, стараясь не делать резких движений, протянул руку к рюкзаку, висевшему за спиной у Вацлава, и нащупал в нем гранату.

– Отлично, – Вацлав продолжал давать инструкции. – Теперь крепко возьми ее в руку. Быстрым движением выдерни чеку. Не нервничай. Держи. Держи. А теперь бросай!

Айкон первый раз в своей жизни держал в руках боевую гранату. До этого ему не доверяли оружие, считая, что в когорте оно ни к чему. Поэтому, когда Вацлав сказал не нервничать, Айкон занервничал еще больше. В своей когорте ему приходилось видеть одного старика лет ста двадцати, у которого вместо правой руки был протез. Еще мальчишкой Айкон слышал историю о том, как этот старик засунул гранату в пасть черногривому лиггу, попытавшемуся его сожрать. Дважды упрашивать Айкона не пришлось, поэтому, когда Вацлав приказал кидать гранату, юноша изо всех сил швырнул ее в толпу крыс.

Граната закатилась под многочисленные лапы крысиного короля. Монстр заинтересованно наклонился, чтобы обнюхать новый для него предмет, как вдруг раздался оглушительный взрыв. Вместе с кусками земли, водой со дна и песком в воздух взметнулось несколько оторванных лап и голов крысиного короля. Визг стоял такой, что, наверное, перекрывал шум самого взрыва. Пока крысиный король истекал кровью и отходил от перенесенного шока, Вацлав и Айкон со всех ног пустились наутек, начав взбираться по почти вертикальным стенкам провала. Айкона страх подгонял сильнее, чем навидавшегося кошмаров за свою жизнь Вацлава, поэтому юноша справлялся с весьма непростой задачей лучше своего учителя.

– Айкон! – голос Вацлава заставил юношу обернуться.

Вацлав из последних сил карабкался на очередной уступ, а за ним, как тень, тянулась тонкая непрерывная струйка алой крови. Айкон не мог точно сказать, был ли это новый укус, либо это открылась старая рана, оставленная волколаком прошлой ночью, но это было явно плохо, с какой стороны не посмотреть. Юноше оставалось сделать всего несколько хороших прыжков, и он оказался бы на поверхности, оставив тяжелых крыс внизу.

– Давайте руку! – Айкон, уцепившись за прочный выступ, протянул руку своему учителю.

– Ты спрашивал, что в тех бумагах, – Вацлав вместо руки подал Айкону свой рюкзак. – Это схемы, чертежи, созданные учеными двадцать первого века. По ним можно создать устройство, которое стабилизирует ядро планеты. Это может нас спасти. Обещай, что доставишь все в целостности и сохранности!

– Я вас не оставляю! – прокричал Айкон, не на шутку перепугавшись. – Давайте руку! Осталось совсем чуть-чуть. Если мы выберемся, то крысы за нами не пойдут!

– Коллекторы идут под всем городом! – Вацлав намеренно съехал немного ниже, чтобы Айкон не смог до него дотянуться. – Они будут нас преследовать. А мы приведем их прямо к когорте. Твоей когорте. Если там окажутся эти крысы, то погибнет много хороших людей. Иди, Айкон. Я закончу свое последнее путешествие здесь.

– Не надо..., – начал было Айкон, но голос перестал его слушаться, заставив юношу молча наблюдать за последним сражением своего учителя на дне провала, среди старого коллектора.

Вацлав мог бы долго отбиваться от нападающих на него крыс, но рана ослабила его. Крысиный король же, наоборот, от причиненных ему гранатой повреждений стал еще свирепее и проворнее. Главная голова канализационного монстра схватила Вацлава за раненную ногу и потащила вниз, раздирая прочную кожу человека о стену провала. Другие крысы в спешке разбежались в стороны, пропуская своего вожака в надежде, что им тоже перепадет немного добычи.

Вацлав, не собираясь так легко сдаваться, выхватил кинжал, спрятанный у него на поясе. Крысиный король не заметил, как холодная сталь впиалась ему прямо в правый глаз. Обиженно визжав, зверь выпустил свою добычу. Крысы кинулись на человека; каждая стремилась раньше других уцепиться за потенциальную добычу, чтобы наверняка отхватить себе кусок, но Вацлав оказался хитрее. Нырнув под брюхо крысиного короля, он начал быстро, несколькими точными ударами отрубать ему головы, которые были настолько вялыми, что не пытались кусить незваного гостя. Некоторые крысы попытались вытащить наглого человечка из под своего вожака, но оказались раздавленными громоздкой тушей крысиного короля, вращающегося по кругу от боли и пытающегося отвязаться от скачущего под ним человека.

– Беги, Айкон! – голос Вацлава последний раз раздался над руинами города.

Айкон, осознав, что он уже ничем не сможет помочь своему учителю, быстро выбрался из провала и, схватив оба рюкзака в руки, побежал. Он спотыкался, падал, раздирая руки в кровь, но продолжал бежать, не оглядываясь. Он уже не видел, как Вацлав, в последнем героическом прыжке, выскочил из под брюха крысиного короля и вонзил свой кинжал прямо в горло мутанта, а потом, обессилив, упал на окровавленный песок, на радость визжащим крысам.

Руководство от 5018 года. Раздел первый: чтобы понять мир – загляни в себя. Детали анатомии и физиологии организма

Homo superior

Внимание, все описания данного руководства ориентированы на сравнение Homo superior с Homo sapiens, как с предыдущим видом на эволюционной ступени. Данное сравнение необходимо для того, чтобы отследить не только наше отличие от Homo sapiens, но и наши общие черты и, следовательно, понять, что мы все те же люди, с более развитыми системами, и что мы в ответе не только за ошибки своих предшественников, но и в ответе за окружающую нас среду. Пусть она и пытается нас убить.

В настоящее время наша нервная система считается системой человеческого организма практически не задействованного в эволюционном взрыве, что только подогревает интерес наших ученых.

Итак, что такое вообще эта нервная система? Это уникальный биологический компьютер, способный поддерживать сотни функций в пределах одного организма, с учетом всех возможных факторов. Если вы смутно представляете себе, что такое компьютер, то загляните в Единный Планетарный Центр, если будете в Гренланде, там собраны все достижения человечества на двадцать первый век, уцелевшие после войны.

Однако, вернемся к нервной системе, ибо времени у нас мало, а рассказать нужно много. Начнем со спинного мозга, он попроще. Рассказывать про эволюционные данные, про параметры и расписывать подробно каждую функцию нет смысла. В том положении, в котором

мы сейчас находимся, нужно запоминать в первую очередь жизненно необходимые факты. Начнем с того, что позвоночный канал, в котором залегает весь спинной мозг пробить невозможно, но это не значит, что стоит пробовать все способы, чтобы проверить эту теорию. Повышенные показатели метаболизма привели к тому, что наши усовершенствованные организмы начали поглощать практически все вещества, которые можно использовать с практической точки зрения. Позвоночник, как костяк, защищающий спинной мозг получил самую укрепленную костную ткань с высокой степенью регенерации. Однако при сильных ударах в область позвоночника возможно смещение отдельно взятых позвонков, в результате чего возможно повреждение или пережатие соответствующих дефектных позвонкам сегментов спинного мозга. При наличии такого повреждения следует немедленно доставить пострадавшего в медицинское отделение, где попытаются исправить положение. Подчеркиваю, только попытаются. Учитывая, что из атмосферы до сих пор не удалось удалить возбудителей опасных инфекций, которые от радиации стали почти не убиваемые, открытые оперативные вмешательства проводить не рекомендуется. Не то, чтобы кто-то умел их выполнять, но вам, в любом случае, не захотелось бы, чтобы кто-то тыкал в вас иглами и резал ножами не первой свежести.

Обратим свое внимание снова на спинной мозг. С нервами эволюция тоже экспериментировать не любит, поэтому основные анатомические данные как спинного, так и головного мозга идентичны показателям *Homo sapiens*, с тем лишь различием, что в цифрах они немного разнятся. Отдельно стоит выделить нервные волокна. Все они покрыты особым веществом, поверх всех ранее эволюционно сложившихся оболочек. Все вместе они создают надежный барьер, который не позволяет особо опасных бактериям и вирусам, а также особо сильным химическим соединениям навредить нашей нервной системе. В комплексе с остальным организмом, в частности с почками и печенью, барьер также полностью блокирует все воздействие высокотехнологичных препаратов. То, что в двадцать первом веке называли антибиотиками теперь не работают. В первую очередь из-за давно истекшего срока годности. Все фармакологические компании были уничтожены в Войне, поэтому создать нечто новое теперь невозможно из-за нехватки знаний. Поэтому настоятельно не рекомендуется перенапрягаться. Во-вторых, если верить передаваемым из уст в уста историям, наши эволюционные предки изрядно переборщили в своё время с их употреблением, чем вездесущие и практически бессмертные бактерии не замедлили воспользоваться.

Переутомления, стрессы и прочие каверзные состояния, связанные с нервной системой, могут быть причиной ослабления иммунных процессов, чем сразу же воспользуются зловерные микроорганизмы. Если это произошло, то молитесь кому хотите и надейтесь, что ваш организм окажется хитрее этих бактерий и вирусов, потому что силой их не взять. Если же дело совсем худо, то вас спасет толченый корень валерианы, но подойдет только наиболее чистое растительное сырье, которое придется приобретать по цене, стократно превышающей цену недвижимости в престижных районах Гренландии.

Прежде, чем перейти к одной из главных частей нашего организма, головному мозгу, хотелось бы сказать еще кое-что про нервы, растянувшиеся на периферии. Вы, наверное, замечали, что вдоль хода вашего позвоночника идут небольшие костяные выросты. У кого-то они выглядят, как набухшие и отвердевшие бугорки под кожей, слегка синеватого оттенка; кто-то скажет, что они похожи на полноценный костный гребень. Это не патология, не болезнь, это нормальное развитие остистых позвонков, форма которых зависит, в первую очередь, от возраста и особенностей организма. Внутри каждого такого остистого отростка укоренились зачаточные фрагменты нервной ткани вперемешку со стволовыми клетками. Если раньше кричали о том, что нервные клетки не восстанавливаются, то сейчас эти крики не более, чем пустой звук. В случае повреждения отдельно взятого нерва или мозгового вещества, из остистых отростков параллельно очагу травмы или патологии выкачивается определенное количество заложенной в них субстанции. Если, скажем, волколак разорвал вам в ключья запястья, то

вещество выйдет из верхних грудных позвонков и пройдет по специальным тоненьким полостям в ваших костях до нужного места и ликвидирует нарушение целостности нервной ткани. Истраченные запасы этого вещества, названного с легкой руки, остистой субстанцией, восполняются с течением времени, но нам пока не удалось установить механизм этой регенерации. Как бы то ни было, рекомендовано, нет, требуется постоянно носить на спине специальный позвоночный доспех, прикрывающий остистые позвонки от внешних воздействий. Если у вас все еще нет такого доспеха, то, как можно быстрее, приобретите его в ближайшей мастерской вашей когорты.

Теперь, что касается непосредственно нашего головного мозга. Учитывая, что из всех разработанных в свое время нейрохирургических операций к четвертому тысячелетию удалось восстановить только трепанацию черепа, настоятельно советуем не рисковать своей головой понапрасну. Череп то выдержит пару-тройку ударов, но потом расколется как грецкий орех. И уж совсем не рекомендуется получать или наносить травмы по основанию черепа, в противном случае, если останетесь живы, полную реабилитацию вам не обеспечит даже остистая субстанция. С другой стороны, вред головному мозгу смогут нанести только травмы или микроорганизмы.

Во-первых, радиация больше не страшна. В костях нашего организма, в частности в черепе, имеется тонкий равномерный слой свинца, который весьма качественно блокирует радиацию, пропуская лишь малую ее часть и стабилизируя радиационный фон. Опять же повторюсь, намеренно совать башку в бочку с ураном не рекомендуется. Любой мельчайший сбой в метаболизме или в чем-нибудь еще, и вы уже покойник. От самого свинца, если кого интересует, у нашего вида врожденный иммунитет. (Уминать его за обедом вместо консервированного бульона также не рекомендуется)

Во-вторых, понятие гидроцефалии. Для тех, кто не совсем соображает, что это значит, поясняем: избыток жидкость в черепной коробке. По непроверенным данным, в двадцать первом веке, это было той еще проблемой. Да и какое-то время после войны, когда еще не произошел эволюционный взрыв и не было абсолютно никаких медицинских знаний, вид человека с гидроцефалией вызывал весьма специфический вид. Однако нам бояться нечего. К четвертому тысячелетию в головном мозге сформировалось два дополнительных желудочка, которые не только улучшили циркуляцию цереброспинальной жидкости, но и обрели способность к ее накоплению. В частности, шестой желудочек, развалившейся по центру мозжечка. Какие-то другие детали анатомии или функционирования этой структуры мы рассказать, увы не сможем, так как для детального исследования анатомии нужно вскрыть голову молодых людей – что не этично и противоречит всем правилам морали. А для изучения основ работы всех этих структур мозга нам не хватает технического обеспечения. Это, кстати, еще одна причина, по которой не стоит ввязываться в неприятности. Хорошенькая травма может занести парочку каверзных бактерий, и вы тут же схлопочете менингит. С врожденной гидроцефалией есть некоторые проблемы, поэтому всех беременных рекомендуется прямым рейсом отправлять в Гренландию, что обеспечить решение более половины всех врожденных патологий, вызванных атомными завесами, вспышками и прочими радостями активного радиационного распада. Тем более, что Гренланде, помимо своих лучших в настоящее время условий, славиться еще и высоко развитой инфраструктурой.

В кровоснабжение головного мозга и ветвление его нервов вдаваться не будем. Информация обо всем этом вам никак не пригодится в степи наедине с волколаком, поэтому оставив все детали нашим медикам, которые, наверное, уже загреблись сопоставлять и восстанавливать данные. Случись так, что кто-нибудь вдруг найдет медицинскую энциклопедию, эти самые медики будут разрываться между желанием расстрелять того, кто подкинул им лишнюю работу и желанием поставить ему памятник при жизни, за спасение многих жизней в будущем.

Отдельно хотелось бы сказать пару слов про боль. Не тешьте себя надеждами, боль была всегда и будет даже после гибели нашей расы. Боль это, как ни странно, вестник жизни. Пока мы живы, мы чувствуем боль, а если вдруг она внезапно исчезла, то это явный признак того, что вам, в самом лучшем раскладе, уже заказан дубовый гробик и железная оградка. Хотя и тут есть выбор: сожжение тела на костре или же мумификация. Следует знать, что по сравнению с болевой чувствительностью *Homo sapiens*, мы, *Homo superior*, располагаем более высоким болевым порогом. Укол иглы, легкие царапины или ушибы наше тело не чувствует вообще. С одной стороны это плохо. Если вас исподтишка укусит ядовитая змея, то умрете вы безболезненно и быстро, так и не осознав, что произошло. Хотя, учитывая, какого размера сейчас достигают ядовитые змеи... В общем, если вы не заметите, как она вас укусит, то, в том случае, если посчастливится выжить, советуем сходить к врачу – у вас явные проблемы со зрением. А вот если посмотреть с другой стороны, то высокий болевой порог – это очень даже не плохо. С порогом на уровне двадцать первого века мы бы умерли бы от шока от двух или трех капель кислотного дождя, попавших на кожу и ввевшихся в нервные окончания. Конечно, не стоит допускать того, чтобы кислота попадала на вас, но просто поверьте, что боль, которую вы почувствуете будет на порядок слабее.

Что касается непосредственно коры больших полушарий, то здесь, в принципе, все осталось неизменным от прошлого вида. Многие функции, доставшиеся человеку еще от его древнейших предков, вышедших из воды, обострились. Взять, к примеру, чувство самосохранения. Даже если последний ломоть хлеба окажется на тонкой кромке стекла над изливающейся магмой в окружении стаи волколаков, никто не станет его доставать. Даже если все дружно пойдут спасать хлебную горбушку. Или шестое чувство, характерное для многих животных. Уже замечено, что, чем старше становится особь (простите за вульгарность), тем сильнее у него развито это чувство. Те, кто доживает до ста тридцати, особо ценятся, ведь они буквально в воздухе ощущают колебания молекул, извещающих о приближении атомной завесы. Продолжать этот список уникальных возможностей нервной системы можно бесконечно, и все равно не описать все. Каждый сам для себя замечает свои собственные плюсы. Я, например, как автор руководства могу сказать, что моей сильной стороной является сон. Мой биоритм может подстраиваться практически под любую ситуацию, если рядом есть фляжка воды и краюха хлеба, если нужно долгое время не спать. Хотя, это же и мой минус, мне нельзя на север, туда, где снег. Тогда меня как медведя клонит в сон, организм требует, чтобы я впал в спячку, заподозрив приближение временных неблагоприятных факторов среды.

Подводя итоги, сразу говорю вам, что главное в нашей жизни, его избегать тяжелых травм, которые сразу же открывают нам кратчайшую дорогу к могиле. Это же и есть универсальный совет на все остальные системы нашего организма, поэтому настоятельно рекомендую сначала оценивать уровень опасности и собственное физическое состояние и экипировку, а потом уже лезть в бой. Во всех остальных случаях поражения нервной системы *Homo Superior* последствия организм нивелирует самостоятельно.

Далее наше описание пойдет в отношении двух особо важных систем вашего организма: сердечнососудистой и дыхательной. Так как находились недалекие индивиды, спрашивающие, что такое сверх важного в этих двух системах, поэтому в начале небольшое пояснение. Грубо говоря, легкие, заложенные за бронированной грудной клеткой, вкачивают в нас кислород, без которого застопориться работа всех органов; а так как нагрузка должна быть распределена равномерно, то здесь в дело вступает сердце и кровеносные сосуды. Сосуды, идущие к легким принимают кислород и несут к сердцу, которое неустанным насосом перекачивает ее дальше по кругам кровообращения.

Начнем, собственно с дыхательной системы. Начинается все с носа. Да, темные субъекты, не знающие элементарной анатомии, нос не только нужен для того чтобы улавливать запахи и периодически закладываться всяческими соплями. Не буду углубляться в детали, краткий

анатомический атлас прилагается к настоящему руководству, поэтому все нюансы известной анатомии вы можете изучить сами. Мы остановимся на тех характерных чертах дыхательной системы *Homo superior*, которые двигают нас дальше по эволюционной лестнице.

Начнем с мелочей, в прямом и переносном смысле. Вопрос касается выстилки внутренних оболочек. По большей части все слизистые дыхательных путей покрыты особым слоем клеток, что весьма интересно, но цель нашего разговора представляют небольшие включения, имеющиеся внутри них. Изначально у вида *Homo sapiens* не было ничего подобного. В процессе эволюции человек вошел в контакт с ранее неизвестной бактерией, которую незамедлительно назвали *Firmicutes salvator werbacter*. Данный вид бактерии пошел по тому же пути, что и несколько миллиардов лет назад избрали микроорганизмы, ставшие нашими митохондриями (для справки это странные микроскопические штуки, засевшие в ряде клеток и, вроде бы, как-то связанные с переработкой энергии). Предположительно, *werbacter* существовал еще с начала кайнозойской эры, однако умело маскировался под различные другие виды микроорганизмов, что собственно и дало такую приставку «*wer*», присущую оборотням из старинных сказок. Сложно сказать, что заставило *salvator werbacter* войти в симбиоз с человеческим организмом, но роль эта бактерия взяла на себя внушительную. Став малоподвижным клеточным включением, данная бактерия специализируется на поедании части вирусов и других бактерий, проходящих через те же носовые ходы. Таким образом, избирательно уничтожая часть бактериальных и вирусных агентов, *werbacter* заметно помогает иммунной системе, снижая риск развития легочных патологий почти до нуля. Это значит, что если у вас развилась пневмония или легочная форма туберкулеза, то количество включений *werbacter* в вашем организме заметно снизилось, либо изначально было на самых низких уровнях. Это может быть связано с ослаблением всего организма, после попадания в злополучную атомную завесу, после чего иммунитет начинает уничтожать все, что ему кажется подозрительным; либо это может быть врожденной патологией, что является одной из причин беременным переселяться в менее опасные когорты и районы.

Но пойдем дальше. *Werbacter*, конечно, полностью заполняет собой клетки в дыхательных путях, но далеко не одни только включения приковывают к себе пристальное внимание. Если пройти дальше по воздухоносным путям, то стоит задержать внимание на трахее, а если быть точнее, то на всей шее. По сохранным с двадцать первого века данным, в то время весьма распространена была трехеостомия; разновидность оперативных вмешательств, применяемых по экстренным показаниям. А теперь благополучно забудьте эти слова. Выполнить их не позволить толстая кожа шеи с ее автоматической перестройкой слоев, контролируемой вегетативной нервной системой. Если смотреть на шею также послойно, то мы увидим, что имеется довольно массивная и гибкая хрящевая основа, берущая начало из хрящей гортани. Пробить такую биологическую защиту пока не удавалось никому, кроме волколаков и других крупных хищников, которые с легкостью разорвут вашу шею своими клыками. Проверять на себе не советую, рекомендую просто поверить. Эти хрящи и кожа вообще приносят проблем больше, чем пользы. Помимо всего прочего они еще надежно защищают щитовидную железу, поэтому, если с ней что-то происходит, то это уже приговор. А теперь представьте разочарование наших медиков, которым удалось раздобыть полноценные описания алгоритмов трахеостомии, а затем обнаружить, что эти знания абсолютно бесполезны в новых условиях среды обитания.

Далее идут не менее интересные бронхи. В месте их раздвоения на правый и левый, они, само собой, все еще закованы в хрящевые латы, однако потом они настолько мягкие и эластичные, что становится страшно кашлять и чихать: кажется, что бронхи вот-вот порвутся и вылетят прямо изо рта. К счастью, этого не происходит. Бронхиальное дерево, которое в ходе эволюции отказалось от прочного хрящевого каркаса, еще больше разветвилось, чтобы в прямом смысле прорасти в новые детали легочной системы. Речь идет о воздушных меш-

ках, крепящихся по периферии каждого легкого прямо под податливой плеврой (грубо говоря, так с древних пор называется мешок, в котором эти самые легкие лежат). При тщательном изучении легочной ткани умерших было выявлено, что воздушные мешки по своей сути на самом деле тканевые остатки множественных зачаточных легких. Во время внутриутробного развития легкие настолько интенсивно делятся, как впрочем и большинство других систем, что все эти механизмы наслаиваются друг на друга и переплетаются. И если раньше, все эти сбои в механизмах развития приводили к порокам и аномалиям развития, то сейчас большая часть этих врожденных патологий обходится за счет того, что основная масса дефектов складывается в воздушные мешки. Их количество и расположение может сильно варьироваться у отдельно взятых людей, что подтверждает эту эмбриональную теорию. Для расширения кругозора нельзя не сказать о том, что похожие структуры наблюдаются у птиц; у них воздушные мешки играют роль вспомогательных систем при полетах. Человек же, сам летать не научился, но зато благодаря воздушным мешкам, каждый из нас теперь в силах пробежать марафон и не устать при этом, а особо везучие личности запросто могут посоревноваться в скорости с самыми быстрыми животными. Впрочем, не пытайтесь обогнать гривистых леопардов. Эти звери, похоже, имеют внутри двигатель внутреннего сгорания в несколько лошадиных сил, так как бегают быстро и долго.

Однако не стоит думать о том, что проблем не существует. Под наш универсальный совет, касательно того, что все дети должны рождаться в пределах безопасной зоны Гренландии, подходит и история с легкими. Например, замечено, что при долгом пребывании беременной в зонах с критически опасным уровнем кислорода и высоким уровнем других газов, у новорожденных отмечается ряд угрожающих жизни аномалий, таких как, к примеру, закупоренная хрящами трахея. Если вы не знаете, что такое это обозначает, или же вам не понятны другие встреченные термины современной анатомии, звучащие в настоящем руководстве, то рекомендуем обратиться к терминологическому справочнику, который можно найти в любой книжной лавке и в любой библиотеке.

В заключение по системе дыхания, хочется сказать пару слов об самом малом элементе наших легких. По историческим документам, относящихся к разделу естественных наук, нам удалось установить, что в легких существует особая подсистема называемая альвеолярным аппаратом (не путайте с альвеолами зубов). Эта особая деталь в строении легкого осуществляет газообмен с кровеносными сосудами, а поверх него, кажется, расположен некий субстрат, под неизвестным нам названием. Люди прошлого называли его каким-то особым словом, но полная его форма до нас не дошла, поэтому данное вещество сейчас называется сурфом, по сохранившейся части слова. Сурф, являясь поверхностным активным веществом (тоже не спрашивайте, что конкретно это значит, применимо к анатомии, так было написано в исторических сохранившихся источниках), препятствует спаданию этих самых альвеол, а также помогает усваивать кислород. Казалось бы, ничего обычного, все как всегда. Однако у более поздних видов рода *Homo* сурф вырабатывался исключительно определенными видами клеток, нарушение в функционировании которых грозило летальным исходом. С тех пор эта система претерпела некоторые изменения. Все та же *Firmicutes salvator werbacter*, заселив ряд клеток, поселилась и в альвеолах, где эта бактерия принимает непосредственное участие в выработке сурфа. Изначально, *werbacter*, где-то еще на уровне двадцать первого века, добавляла в исходную версию более раннего сурфа собственные отходы жизнедеятельности, что дало пик особо тяжелым пневмониям и другим заболеваниям, забравшим несколько сотен тысяч человек. При этом *werbacter* весьма успешно маскировалась под всякие синегнойные палочки и стафилококки, особо эффективно уничтожая человеческие легкие в комплексе с их наследственными заболеваниями. Пока люди умирали, другие клетки легких пытались воспроизвести сурф в замену утерянному. В итоге, бактерия и человек снова нашли компромисс. Пока клетки дружно и синхронно поставляют сурф, *werbacter* контролирует его вязкость, сама того не ведая, сливая

через него собственные отходы. Эти бактериальные выделения, которые при взгляде под определенным углом можно даже назвать токсинами, отлично вписываются по своей химической структуре в структуру сурфа, обеспечивая динамику хрупкой системы. Однако любое воздействие враждебной окружающей среды сверх допустимого уровня превращает всю эту динамику в полный хаос, оставляя человека погибать от того, что легкие попросту слипаются в один большой кусок ткани, без намека на прохождение воздуха. Воздушные мешки в таком случае делают только хуже: своим запасом воздуха они только продлевают мучительную смерть от удушья, поэтому настоятельно рекомендуется следить за уровнями радиации, состоянием атмосферы и температурным режимом, чтобы не допустить развала этой бактериально-легочной системы.

Теперь оставим, наконец, в покое легкие и сурф, и перейдем к не менее важной системе организма: кровеносным сосудам и сердцу. Вопреки мнениям, популярным в двадцать первом веке, судя по сохранившимся записям, третьего круга кровообращения не развилось, да и сердце не стало пятикамерным. Складывается впечатление, что эволюция сочла этот кровяной насос универсальным решением. Однако, без незначительных изменений все равно обошлось. Речь идет о дополнительном слое мышечной ткани, обхватывающей сердце сразу же поверх первого базового, именуемого миокардом. Казалось бы, странное эволюционное решение, однако, в том случае, если, в силу разных обстоятельств, ваш базовый мышечный слой окажется неспособен в полной мере выполнять свои функции, его быстро слопают особые клетки и ферменты, а второстепенный слой мышц тотчас же станет его полноценной заменой. В остальных же деталях, сердце человека осталось неизменным.

Больше всего порадовала сеть кровеносных сосудов. Она стала более разветвленной, стенки артерий, вен и капилляров укрепились благодаря более интенсивным процессам метаболизма. В случае их повреждения стенка быстро зарастает за счет того, что она приобрела возможность моментально создавать псевдотромбоциты, клетки, очень похожие на обычные тромбоциты, но служащие только для кратковременного закрытия раневого канала. Псевдотромбоциты мгновенно закрывают раны любого размера, диаметра и формы до тех пор, пока не начнутся процессы регенерации и не свернется кровь. Также между сосудами стали чаще возникать естественные связки. При тяжелых травмах, связанных с полным разрывом кровеносных сосудов, буквально через один день возникает прочная полностью функционирующая связь между одинаковыми по своим свойствам сосудами, возобновляя приток крови к поврежденной конечности. Дело в том, что в отличие от нервов, которые могут восстановиться в течении суток благодаря остистой субстанции, кровеносным сосудам на регенерацию требуется больше времени, которое достигается образованием подобных временных связей, держащихся до тех пор, пока в нем не отпадет необходимость, после чего новообразованные сосудистые сплетения рассасываются особыми клетками. Чаще всего подобная схема работает при нападении диких животных, в частности волколаков, которые почти всегда вцепляются своими челюстями в конечности, преимущественно в голень или кисть.

В ходе определенных наблюдений в полевых условиях была замечена и довольно большая проблема, базирующаяся именно на данной особенности кровеносной сети. При длительном нахождении в котлованах или любой другой местности с критически высокими уровнями радиации или химического заражения, происходит бомбардировка клеток и тканей различными ионами, протонами и другими мельчайшими частицами, которые все мы проходили в базовом курсе физики. Такое воздействие не проходит бесследно. На каждую микротравму или незначительную патологию на тканевом и клеточном уровне происходит сбой, в результате которого образуются особые связи между сосудами, которым не свойственно исчезать самостоятельно. Вы можете даже не знать о том, что скажем, под вашей кожей на, скажем, плече образовалась обширная сосудистая сеть, которая при любом ранении могут вызвать настолько обильное кровотечение, что летальный исход не заставит себя долго ждать. Крайне рекомендуется также

не контактировать с окружающим миром, а если быть точнее, то с теми его объектами, которые могут содержать или выделять вещества, препятствующие свертыванию крови. По большей части такие объекты почти всегда атакуют первыми: крысиные короли, сольпуги, большая часть ядовитых змей, особенно золотая гюрза, а среди растений настоятельно рекомендуется обходить стороной кровавую мухоловку. Она настолько неразборчива в выборе жертвы, что может запросто перепутать родинку на вашем лице с мухой. Ограничить контакты с этими объектами, вы не рискуете оказаться смертельно раненым, ведь в случае совпадения ранения с проникновением соответствующих веществ ведет к стопроцентному летальному исходу, тогда как обычное ранение в зоне сосудистой сети гарантирует только шестьдесят процентов летальности, при условии, что у раненого плохая свертывающая система.

Переливать кровь от донора, в случае подобного и любых других ранений, крайне не рекомендуется. Системы крови усложнились настолько, что если описать все их разновидности, получится небольшая книжка страниц на триста, без иллюстраций самым мелким шрифтом доступным для чтения. Вычислить наиболее подходящую группу практически невозможно, поэтому в случае большой кровопотери, рекомендовано воздействовать сразу на красный костный мозг. Процесс сложный, крайне болезненный, положительных результатов крайне мало, хотя и встречаются они чаще, чем при переливании крови от донора. Так как разработка этого метода начиналась с абсолютного нуля, еще не были вычислены все ее плюсы и минусы, поэтому, если не желаете умереть одной из самых мучительных смертей, не суйте пальцы ловушку в кровавой мухоловке.

Теперь, прежде чем перейти к краткому описанию пищеварительной системы – главное напутствие всем гурманам. Не ешьте желтый снег! Именно так называется знаменитый трактат Ярополка Седобородого, посвятившего всю жизнь двум научным трудам: медицине и кулинарной книге. Согласны, звучит несколько странно, но уверяем, это не то, что вы подумали. Желтый снег обычно скапливается в местах избыточно насыщенных распадающимися ядерными отходами, оседающими на любых поверхностях в виде крупных хлопьев. На земле, в пыли, на траве их практически не видно, но вот на снегу, любые осадки сразу же бросаются в глаза. Само собой, цвета могут варьироваться от желтого до бурого, но химическая составляющая почти всегда одинакова. Впрочем, любой желтый снег употреблять в пищу крайне не рекомендуется. Особенно, если не хотите изуродовать свою пищеварительную систему.

В конце Руководства приведет полный список ранее съедобных предметов, которые категорически запрещено использовать в пищу в любых ситуациях и при использовании любых методов обработки, поэтому на данном момента в этой главе останавливаться не будем. Вместо этого пройдемся по ключевым моментам. Момент первый: пищеварительная система *Homo*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.